

Лакс
ЛЕГКАЯ

ЭТА МАМА
нам подходит

Лана Легкая

Эта мама нам подходит

<https://litres.ru/74324524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я собиралась встретить Новый год в компании друзей. Выпить бокал игристого, похвастаться платьем и наконец познакомиться с тем «идеальным парнем», которого мне рекламировали уже месяц.

Но, как обычно, все пошло не так.

Таксист перепутал адрес, телефон почти сел, навигатор показывал, что мы едем по руслу реки — и я оказалась на пороге чужого дома. Дверь открыл угрюмый тип в свитере со снеговиком, ухватил за ворот и уверенно объявил, что я няня?! И через минуту умчался на своем внедорожнике. А я осталась в компании пятилетки в костюме снежинки, и та решила, что теперь я ее новая подруга.

Это будет худший Новый год! Или самое правильное, что со мной случилось за всю жизнь?..

Содержание

Глава 1. Рита	4
Глава 2. Рита	19
Глава 3. Олег	31
Глава 4. Рита	42
Глава 5. Олег	53
Глава 6. Рита	62
Глава 7. Олег	67
Глава 8. Рита	76
Глава 9. Рита	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Лана Легкая

Эта мама нам подходит

Глава 1. Рита

Снег падал белыми плотными хлопьями. Телефон вот-вот должен был сесть, а я имела смутные представления, где сейчас нахожусь.

— Кажется, вот этот дом, — неуверенно сказал водитель.

— Точно? — я выглянула из-за сиденья и попыталась что-то рассмотреть в навигаторе. Последние двадцать минут он упорно показывал, что машина двигалась по руслу реки.

— Точно.

Я выглянула в окно. Хм. Вроде именно так друзья и описывали свое приобретение. Двухэтажный коттедж с желтыми стенами, подъездная дорожка, гирлянды и светящийся олененок из проволоки в натуральную величину у входа. Я pokrутила головой, пытаясь найти машину Саши с Полей, но улица была забита припаркованными авто. Что неудивительно в новогоднюю ночь.

— Ну ладно, — произнесла я. — Счастливого Нового года, — пожелала я.

— И вам, — буркнул он и уехал так быстро, словно за ним гнались.

— Вот так и начинаются все фильмы ужасов, — пробормотала я, топчась в вечерних туфельках по снегу. Я захныкала, чувствуя, как промокают ноги. Быстро поднялась по ступеням и постучала.

Без ответа.

Постучала ещё раз.

Подошла к двери, прижалась ухом, пытаюсь расслышать звуки праздника. На вечеринку я опаздывала уже на полтора часа и была готова к громким разговорам и музыке. Странное у них, конечно, веселье — тишина гробовая.

Дверь рывком открылась, и я клюнула носом в широкую грудь, обтянутую мягким свитером с изображением улыбающегося снеговика.

— Добрый вечер, — произнесла я, задрав голову и встретившись взглядом с угрюмым здоровяком.

Судя по выражению лица, его только что разбудили, облив холодной водой, и тут же попросили собрать шкаф, забрав инструкцию.

— Вы опоздали, — сказал он, даже не моргнув. — Проходите быстрее. Мне нужно ехать, — добавил, ухватив меня за ворот шубки и втянув в дом.

— Прошу прощения, — произнесла удивлённо.

Впервые незнакомый человек позволял себя подобное поведение. И если это тот “шикарный вариант”, с которым Поля хотела меня сегодня познакомить... Пожалуй, я откажусь.

— Где ваша сменная обувь? — уточнил он, хмуро взгля-

нув на мои черные бархатные лодочки.

— Я уже в ней, — фыркнула я.

— А вы точно понимаете, что на улице зима? — прилетело мне в ответ, пока мужчина быстро накинул на плечи курту и суетливо что-то искал на полке у входа.

— А где Поля? — спросила я, осматриваясь. — И почему так тихо?

Ну вот на этом моменте я ведь могла заподозрить что-то неладное, но нет! Я продолжала странный разговор со злоющим мужиком, что нервно дергал головой, отбрасывая длинную челку со лба.

— Во-первых, не Поля, а Соня, а во-вторых, я не люблю шум, — заявил он, наконец найдя ключи от машины и направляясь к двери.

Соня? Кто такая Соня?

Но я, видимо, так устала к концу года или от природы не блистала интеллектом, вместо того чтобы развернуться и уйти, почему-то отступила в сторону, освобождая проход.

— Эм... вы точно... — начала я.

— Сейчас не время для разговоров. Я ждал вас почти час. Вернусь, как только смогу, заплачу двойной тариф.

— Но!..

— Тройной! — гаркнул он, хлопнув дверью.

— Чего?.. Какой тариф? — кричала я, глядя на то, как мужчина запрыгивает в серый внедорожник и срывается с места, буксуя по свежему снегу. — Эй? Эй? М-да.

Я отошла от окна, обвела помещение взглядом и покачала головой.

— Ты не моя няня, — раздался милый голосок.

— Вот черт! — ругнулась, заметив белокурую малышку лет пяти в костюме снежинки. Отставив одну ножку в сторону, она осматривала меня с ног до головы, покачивая волшебной палочкой с серебристой звездой на конце.

— Как тебя зовут?

— Рита. Маргарита, — произнесла я, складывая в уме все вводные и получая неутешительный ответ.

Это точно не дом моих друзей. Злющий бородач принял меня за няню и оставил свою дочь совершенно с незнакомым человеком. “Как можно быть настолько безответственным?” — возмутилась я про себя, бросив взгляд на дверь.

— И как можно быть такой дурочкой? — прошептала себе под нос. — А ты, видимо, Соня?

— Угу, — согласилась девочка. — Ты красивая.

Ну, конечно, я красивая. Я три часа провела перед зеркалом, чтобы сделать макияж и укладку.

— Спасибо. Ты тоже.

Девчушка расплылась в широкой улыбке.

— Мультки на тридцатом канале. Шоколад мне нельзя, — заявила она серьезно. — Аллергия. Если буду просить, не давай, — сообщила и потопала вглубь дома, стуча каблучками серебристых туфелек.

— Подожди! Я не няня! Я вообще не... — я эмоциональ-

но жестикулировала, не выпуская сумочку и пакет с мандаринами из рук. — Я ошиблась домом. Меня ждут друзья. Я вообще-то должна быть в другом месте.

— Ты не няня?

— Нет!

— Хм, — серьёзно сказала она. — Тогда будешь моей подругой. Хочешь посмотреть мой танец снежинки?

Не помню, чтобы я в столь юном возрасте была настолько общительной с незнакомыми людьми. В этот момент осталось только пожалеть малышку, которая не видит отца. Даже в новогоднюю ночь он сбежал из дома. Разве можно так обращаться с ребенком, который ждет чуда?!

Пока я иду за Соней, ком из мыслей разрастается с пугающей скоростью. И вот я уже хочу высказать все в злое лицо здоровяка.

Но сначала нужно его дождаться. Я прислонила пакет с мандаринами к стене, там же поставила сумочку и сдёрнула мокрые лодочки с ног, оставшись в тонких чулках.

Соня, не оборачиваясь, шла, покачивая серебристой палочкой. В доме пахло хвоей, печеньем и... чем-то мужским, возможно, одеколоном или гелем для душа.

Она остановилась на пороге гостиной и торжественно взмахнула, будто открывая занавес.

— Та-дам!

— Ого. Твой папа компенсирует отсутствие в твоей жизни довольно банально.

Я никогда не видела столько украшений в одной комнате. Здесь было все. Снеговики, олени, гномики в меховых шапках, елка размером с городскую, что стоит на центральной площади, гирлянды на стенах и окнах и даже камин.

И вот в центре всего этого снежинка.

— Смотри! — приказала она и включила музыку на телевизоре.

Зазвучала какая-то детская новогодняя композиция, и Соня начала кружиться. Неловко, сбиваясь, но с таким старанием, что у меня защипало глаза. В конце она сделала поклон и вскинула на меня горящий взгляд.

— Ну? — спросила она строго. — Понравилось?

— Очень, — искренне сказала я. — Ты настоящая снежная принцесса.

Соня засияла, положила волшебную палочку на журнальный столик.

— А хочешь чай? — тут же предложила она, придвигая тарелку с печеньем.

— Эм... Я даже не знаю, можно ли мне тут...

— Можно! — авторитетно заявила она. — Папа всегда говорит, что гостям всё можно.

Хороший папа. Только вот гостей бы различал.

Я прошла вслед за Соней на кухню. Она ловко забралась на стул, потянулась к банке с пакетиками и вручила мне один:

— Этот вкусный. С клубникой. Только тебе нужно снять

шубу.

— Логично, — пробормотала я, оставляя шубку на спинке стула. — Ты уверена, что умеешь обращаться с кипятком?

— осторожно спросила я.

— Нет, — честно ответила она. — Поэтому это сделаешь ты.

До чего же смышленный ребенок.

Пока закипала вода, я украдкой оглядела кухню. Красивая. Просторная. Правда, по окнам были карандаши, какие-то схемы, записки и записочки.

“Горе-отец. Даже в новогоднюю ночь не мог оставить работу”, — кольнула мысль. Какого чёрта он оставил малышку одну?

— Соня, — позвала я мягко. — Папа часто уезжает?

Она пожала плечиками.

— Он работает.

— Даже сегодня?

— У них всё сломалось. Папа сказал, что, если он не поедет, дом развалится.

— Прямо... дом?

Соня важно кивнула.

— Большой. Многоэтажный. Папа главный. Если папа не делает, никто не делает.

Отлично. Мужчина с комплексом спасителя. Добавим в список его «прелестей».

Я налила чай, поставила две кружки на стол. Девочка под-

ложила под подбородок кулачки:

— А где твои друзья?

— В другом месте, — вздохнула я. — И, кажется, празднуют без меня.

— А почему ты не пошла туда?

— Потому что твой папа затащил меня в прихожую быстрее, чем я успела объяснить, кто я такая.

Соня округлила глаза.

— Он грубый.

— О да, — протянула я, обхватывая ладонями горячую кружку. — Он мастер спорта по грубости.

— Но он добрый! — быстро возразила девочка. — Просто нервный. И всегда говорит, что мне повезло. Потому что мама бы точно опоздала ещё больше, чем няня.

Я прикусила губу и поинтересовалась.

— А мама с вами живёт?

Соня покачала головой.

— Она в другой стране. Но папа говорит, что так лучше. А мамин новый муж не хочет быть моим папой.

Я глупо хлопнула ртом, ругая себя за длинный язык. Несколько секунд не находила, что сказать в ответ, но малышка уже переключилась.

— Давай смотреть мультики! Сегодня же Новый год! Я хочу смотреть про снеговиков.

— Хорошо, — согласилась я и улыбнулась.

Потому что этой маленькой снежинке действительно ну-

жен был кто-то рядом. И, кажется... на ближайшие пару часов этим кем-то буду я.

Мы допивали чай. Я маленькими осторожными глотками, Соня шумно, причмокивая, оставляя на кружке розовые отпечатки клубничного чая. Девочка сияла, болтала ножками и, кажется, была абсолютно счастлива, что в её новогодний вечер появилось хоть какое-то приключение в виде меня.

— Готова? — спросила она, ставя кружку на стол.

Не успела я ответить, как малышка уже схватила меня за руку.

— Пойдём! Мультики же!

Я только успела поставить свою чашку, чтобы не опрокинуть на стол, и позволила снежинке увести меня обратно в гостиную.

— Я хочу смотреть «Принцессу и снежного болтуна», — заявила она со всей серьёзностью.

— Снежного... кого?

— Болтуна. Он говорит слишком много, — объяснила Соня. — Прямо как ты.

Я едва не поперхнулась воздухом.

— Я не говорю много, — возмутилась я.

— Говоришь, — уверенно парировала она, уже копаясь в меню мультфильмов. — Но это хорошо. Папа мало говорит. Он как камень.

— Как кто?

— Камень. Молчит. Но хороший. Так мама говорила.

Сказала и включила мультфильм, плюхнувшись на пушистый ковёр. Я устроилась рядом, поджав ноги под себя.

Соня комментировала каждый кадр:

— Принцесса похожа на мою маму. Только мама не умеет петь.

— А снеговик вообще глупый. Он всё время падает.

— Но он смешной. Мне нравится.

— А ты умеешь кататься на коньках? Принцесса умеет. А я нет, папа всё обещает научить...

— Умею, — ответила я.

Она взглянула на меня глазами полными восторга.

— Ого!

Слушая болтовню, я чувствовала, как внутри становится не так горько от собственной глупости. Малышка заполняла пространство собой так искренне, что его становилось трудно не полюбить.

Но телефон в моей сумочке периодически мигал последними процентами батареи, и я наконец вспомнила о своём предназначении. Сообщить друзьям, что не умерла. Хотя могли бы уже и сами поинтересоваться, что со мной.

— Сонь, а у твоего папы есть зарядка для телефона? — спросила я.

Соня на мгновение оторвалась от экрана, прищурилась.

— Есть, — и тут же поднялась. — Пойдём! Я покажу.

Она снова схватила меня за руку, и мы пошли по коридору.

— Папа всё держит у себя, — поясняла Соня, шлёпая серебристыми каблучками. — Потому что он думает, если что-то важное оставить внизу, оно потеряется. Я потеряю, — добавила она, сморщив хорошенькое личико.

Мы остановились у двери в конце коридора.

Соня торжественно провозгласила:

— Это папина спальня. Но не бойся. Там никого нет.

Спасибо, Соня. Действительно успокоила.

Она толкнула дверь, и мы вошли.

Комната была совершенно... ужасной. Серая. Холодная. Стены пепельного цвета. Плотные тёмные шторы, за которыми не рассмотреть ни огоньков, ни улицы. Минимум мебели: тумба, комод, шкаф. Всё угловатое, мужское, без единой лишней детали. Посередине огромная кровать. И всего одна подушка. Судя по форме, ортопедическая.

И никаких следов второго человека. Ни мягкого пледа. Ни косметики на столе. Ни книги на тумбочке.

Всё говорило: тут давно никто не спит рядом.

Соня тянулась к тумбочке около кровати.

— Зарядка тут, — сказала она, достав белый провод. — Папа не любит беспорядок. Но постель не застилает. Говорит, тут никто не увидит.

Она лукаво улыбнулась, и в этот момент мне стало одновременно смешно и тоскливо.

— Сонь, — тихо сказала я, — твой папа, он всегда такой хмурый?

— Да. Но он хороший, — повторила она как мантру. — Просто устал. Он всегда устал.

Она протянула мне зарядку.

А я смотрела на одну подушку, на смятое одеяло, на строгие стены и понимала, что уже чувствовала не злость и не раздражение.

А... жалость?

К нему?

Хотя по идее жалеть следовало меня!

— Пойдём? — Соне уже не терпелось вернуться к мультфильму. — Там снеговик сейчас упадёт в сугроб. Это смешно!

— Что-то мне совсем не смешно, — пробормотала я.

Малышка услышала мои слова и, обернувшись, спросила:

— Почему?

— Эм. Ну, у твоего папы даже комната не украшена.

— Он не любит, — отмахнулась она беззаботно.

— Я не сомневаюсь.

Мы вышли из мрачной спальни. Соня летела вниз по ступенькам, звонко топая серебристыми туфельками, а я брела позади, держась за перила. Не хватало ещё навернуться и встретить Новый год в травмпункте.

— Быстрее! — подгоняла она. — Он сейчас упадёт в сугроб, ты пропустишь!

Ну да, жуткая трагедия.

В гостиной было ярко и празднично. Девочка рухнула на

ковёр, будто её выключили кнопкой, и продолжила смотреть мультфильм, моментально забыв о моем существовании.

Я же нашла взглядом ближайшую розетку. Настоящее соко-
ровище! Присела у стены, подключила телефон и устави-
лась на экран.

Телефон включился и выдал жалкие 4%.

— Держись, дружок, — прошептала я. — Нас обоих ещё
ждут большие испытания.

Я открыла чат. Двадцать три пропущенных сообщения от
Полины. Отлично, похоже, меня уже успели похоронить. На-
жала вызов.

Поля ответила почти мгновенно:

— Рита?! Где ты?! Ты жива?

— Жива, — устало перебила я.

— Где ты?

Я посмотрела в сторону Сони. Она лежала на животи-
ке, подпёрла голову ладонями и озвучивала каждую реплику
снеговика своим смешным писклявым голосом.

Я глубоко вдохнула.

— Я... — начала я и сделала паузу. — Кажется, чуть-чуть
перепутала дом.

— Рита. Как можно перепутать дом? Я же скинула адрес.

— Поля, — прошипела я. — Таксист перепутал адрес. И
оставил меня возле жёлтого дома с оленёнком.

— Но у нас нет оленёнка!

Я прикрыла глаза, стараясь подавить раздражение.

— Ты мне сама сказала, что у дома олененок.

На другом конце раздался стон.

— Нет у нас олененка! — произнесла по слогам.

— Не кричи на меня. Я была уверена, что это ваш дом.

— И что?! Тебя туда пустили?!

— Более того, — прошептала я, глядя в потолок, — меня сюда втянули.

Пауза была такой долгой, что я подумала, связь оборвалась.

— Что значит «втянули»?

— Буквально, Поля. Он открыл дверь, схватил меня за ворот и затащил в дом.

— Кто?

— Мистер Грей, — пробормотала я, вспомнив унылые стены спальни.

— Кто?!

— Подожди, — шикнула на подругу и спросила у малышки: — Сонь, а как зовут твоего папу?

— Олег, — ответила она, болтая ножками.

— А фамилия какая?

— Пупсик.

— Чего? — я подалась вперед, решив, что у меня беда не только с интеллектом, но и со слухом.

— Пупсик, — повторила снежинка.

— Олег Пупсик? — переспросила я.

— Угу, — она покачала головой и сосредоточилась на

мультике.

— Поль. Ты знаешь Олега Пупсика? — спросила я хрипло.

Глава 2. Рита

— Поль. Ты знаешь Олега Пупсика? — спросила я хрипло.

На том конце тишина.

— Кого? — наконец выдала она.

— Олег. Пупсик, — повторила я обречённо.

Соня согласно кивнула, не отрывая взгляда от телевизора.

— Рита, — медленно произнесла Полина, — ты уверена, что еще не пила?

— Абсолютно, — вздохнула я. — Ну бывают же у людей странные фамилии.

— Он тебе что, паспорт показывал?!

— Нет, но... — я снова повернулась к Соне. — Сонь, а почему папа Пупсик? Это фамилия такая?

— Нет, конечно, — девочка фыркнула. — Папа не разрешает рассказывать незнакомым людям о себе, — как же во время она вспомнила о безопасности. — Это мама его всегда так называла. Олег Пупсик, поможешь мне, — она, видимо, попыталась изобразить голос матери. — Папа раньше был толстеньким.

Я чуть не подавилась собственной слюной.

— Толстеньким, — эхом повторила в трубку.

На том конце послышался сдавленный хрип Полины, очень похожий на попытку не расхохотаться.

— Рита, — выговорила она, — то есть ты застряла в доме у Олега Толстенького Пупсика, которого бросила жена и который решил, что ты няня?

— Спасибо, очень поддержала, — буркнула я. Поля шумно выдохнула.

— Ладно, шутки в сторону. Скажи мне адрес.

— Я не знаю адрес.

Повисла красноречивая пауза.

— Как это не знаешь?

— Я была уверена, что приехала к тебе! — напомнима, зло прошипев в трубку.

Полина застонала.

— Спроси у ребёнка!

— Логично, — согласилась я и вновь повернулась к Соне: — Сонь, ты знаешь, как называется ваша улица?

Она наморщила носик, подумала.

— Это... э-э... — протянула она. — Мы недавно сюда переехали. Папа говорил, чтобы я не сообщала адрес чужим. Можно только людям в форме полицейского.

Ну, конечно! В дом приводить чужих можно, а адрес говорить нельзя!

— Но я же не чужая, — добавила я радостно. — Я подруга.

— Верно, — малышка мотнула головой. — Только я не помню название улицы.

— Прекрасно, — простонала я в трубку. — Ребёнок не

знает адрес.

— Так. Успокойся, — Полина попыталась меня успокоить. — Ты уверена, что это Зелёная Долина? Не соседний посёлок?

— Таксист вез меня в Зеленую Долину, и навигатор пытался. Но куда мы попали, я не знаю.

На секунду связь хрипнула, экран мигнул.

— Рит, у тебя что там с зарядом?

— На грани.

— Тогда слушай сюда, — быстро заговорила Поля: — Как только этот твой... как его...

— Олег, — подсказала я.

— Как только Олег вернётся, узнаёшь нормальную фамилию, адрес и вообще всё что можно. И сразу мне звонишь, понятно?

Я закатила глаза.

— Так точно, мой генерал.

На фоне слышались голоса, смех, звон бокалов.

— У тебя явно повеселее, чем у меня.

— Кстати, о веселье, — нервно усмехнулась Полина. — Женья уже заждался.

Я чуть не выронила телефон.

— Кто?

— Женья. Тот самый Женья, с которым мы хотели тебя познакомить, — подчеркнула она. — Стоит тут в рубашке, мёрзнет на крыльце и спрашивает, где прекрасная Маргарит-

ка.

Я уставилась на экран телевизора, где снеговик как раз врезался в сугроб. Соня захохотала.

— Великолепно, — пробормотала я. — Где-то там меня ждёт потенциальный идеальный мужчина, а я сижу у розетки в чужом доме с ребёнком, чьего отца зовут Олег Пупсик.

Поля хмыкнула.

— Ладно. Береги заряд. Если что, пиши хотя бы короткие сообщения. Держи меня в курсе. И, Рит...

— М?

— Пожалуйста, не убегай в ночь на поиски нашего дома. Сиди там. Жди этого Олега. И не вписывайся больше ни в какие... — она запнулась, — приключения.

— Я вообще-то на новоселье ехала, а не на квест по выживанию, — напомнила я.

— С тобой это одно и то же, — вздохнула Поля. — Всё, отключаюсь. Целую. Не умирай.

Связь оборвалась, пока я открывала рот, чтобы ответить что-то возмутительно остроумное.

— Отлично, — сказала я пустоте. — Официально брошена всеми.

— Смотри, смотри! — Соня замахала мне рукой. — Он опять упал!

Я поднялась с пола и вернулась на ковёр, устроившись. Снеговик действительно снова грохнулся в сугроб. Соня заливалась смехом, хлопала в ладоши и никак не могла успо-

коиться.

Какая же забавная малышка.

— Мандаринов хочешь? — спросила я у нее.

— Хочу.

Я спохватилась и уточнила.

— А у тебя на них нет аллергии, как на шоколад?

— Нет-нет-нет.

Я принесла пакет с фруктами, и мы принялись чистить мандарины и по одной дольке закидывать в рот. Ещё пару минут наблюдали, как принцесса пытается вытащить болтливового снеговика из очередного сугроба, когда по дому разнёсся громкий звонок.

Я дёрнулась.

— О! — Соня подпрыгнула на месте. — Кто-то пришел!

— Похоже, да, — буркнула я, украдкой проверив, не включился ли снова телефон. Нет, мёртв. Как моя надежда спокойно встретить этот Новый год. Или зарядка не подходила, или телефон приказал долго жить.

— Вдруг это Дед Мороз! Иди открывай, — радостно сказала Соня, даже не вставая с ковра.

— В смысле я? — возмутилась. — Это вообще-то не мой дом.

— Мне нельзя, — важным тоном объяснила она. — Папа сказал: я маленькая, и дети двери не открывают. Должен открывать взрослый.

Она посмотрела на меня так выразительно, что у меня не

оставалось шансов.

— То есть незнакомую тётю в дом он тащит, а тебе двери открывать нельзя? — пробормотала я себе под нос, поднимаясь. — Логика железная.

— Ты не незнакомая, ты подружка, — напомнила Соня и снова уткнулась в телевизор.

Ну да, подружка. Хорошо, что вам попалась такая честная и совестливая “подружка”. Другая бы в лучшем случае просто ушла.

Я поправила платье, взъерошила волосы и пошла в прихожую. Настойчивый звонок повторился.

— Иду, иду, — пробормотала я, на всякий случай взглянув в глазок.

За дверью стояла молодая женщина. Красивая. Очень красивая. Высокая, в длинном светлом пальто, с аккуратной причёской, тонким шарфом на шее. Она дышала тяжело, как будто только что бежала.

Ну прекрасно. Сейчас выяснится, что это законная жена Олега Толстенького Пупсика. И мне придется объяснять, что я тут делаю. Я глубоко вдохнула и открыла дверь.

— Добрый вечер, — выдавила я максимально вежливо.

— Здравствуйте! — выпалила незнакомка в тот же момент. Голос у неё был звонкий, нетерпеливый. — Прекрасно! — произнесла она, осматривая меня с головы до ног. — Няня?

Я не знала, какой ответ был безопаснее, и сделала неопре-

деленный жест головой, нарисовав в воздухе полукруг.

— Вы меня спасете! Я не могу дозвониться до Олега. Его что, нет дома?

— Как видите, — пробормотала я.

— Вечно он работает, даже в новогоднюю ночь. Передайте ему и скажите, что я вернусь через семь дней.

— А что передать?

— Вот это, — фыркнула она, вручив мне две сумки. Одну спортивную — полегче, вторую со странной пластиковой ручкой и довольно тяжелую. — С наступающим! — крикнула, уже сбегая в белых сапожках по ступеням и запрыгивая в открытую дверь такси.

— С наступающим, — пробормотала на автомате, чувствуя, как одна из сумок подергивается и из нее раздается детский плач.

Я захлопываю дверь и опускаю взгляд на сумки.

Та, что полегче, падает на пол с глухим шлепком. Вторая... подрагивает. И снова раздаётся тонкий, жалобный плач.

— Только не это, — шепчу я. — Пожалуйста, только не то, о чём я подумала.

Ставлю тяжёлую сумку аккуратно, и до меня наконец доходит, что это не просто «сумка со странной пластиковой ручкой». Это автолюлька. С ручкой. Из люльки доносится писк, усиливающийся с каждой секундой.

— Нет, — шепчу я. — Нет-нет-нет!

Присаживаюсь на корточки, пальцы дрожат. Осторожно поднимаю угол мягкой пелёнки, которой всё было накрыто от снега и чужих глаз.

Под пелёнкой крошечное личико. Красный носик, сморщенный лобик, сжатые кулачки. Настоящий, живой ребёнок.

Мои глаза расширяются от ужаса.

— Ты настоящий? — пискляво спрашиваю сама у себя.
— Или это какой-то очень реалистичный пупс?

Тяну палец и осторожно трогаю щечку. Щека тёплая. Мягкая. Малыш вздрагивает, кривит рот и, как назло, начинает ныть громче.

— О боже, — выдыхаю я. — О боже...

Это не кукла. Это ребёнок. Настоящий младенец. И его бросили на меня.

— Нет-нет-нет, мы так не играем! — вскакиваю я на ноги.

Рывком открываю дверь и вылетаю на улицу в одних тонких чулках и платье. Морозный воздух впивается в кожу, снег летит в лицо. В конце улицы уже виднеются задние фонари такси.

— Эй! — кричу так, что, кажется, подпрыгивают крыши в этом проклятом поселке. — Женщина! Вернитесь!

Такси поворачивает за угол и исчезает.

— У тебя тут ребенок! — добавляю я отчаянно, хотя теперь уже кричу просто в белую снежную пустоту.

Ответом мне становится только вой ветра и далёкий хлопок салюта. Точно! Сегодня светлый и счастливый празд-

ник — Новый год! Праздник чудес, волшебства и сюрпризов. “Заберите нафиг все эти сюрпризы! Я не хочу больше волшебства! Мне достаточно мисочки оливье и телевизора!” — кричу мысленно вселенной.

— Прекрасно, — выдыхаю я, чувствуя, как к горлу подкапывает нервный смешок. — Новый год, говорили они. Волшебная ночь, говорили они.

Я поворачиваюсь к дому, где в окне мерцает нарядная ёлка.

— Олег Пупсик, — шепчу в морозную темноту, — клянись, когда ты вернёшься, мы с тобой очень серьёзно поговорим.

Я ввалилась обратно в дом, захлопнув бедром дверь и дрожа от холода и капца, что ворвался в мою жизнь.

— Соня? — позвала я, уже морально готовясь все объяснить малышке.

Но нет. Картина, которая предстала передо мной, выбила из колеи окончательно. Соня стояла возле автолюльки, согнувшись пополам, и смешно корчила рожицы.

— Гули! — сказала она тоненьким голоском, наклоняясь ближе. — Гули-гули! А-а-а, вот так!

Малыш прекратил плакать. Теперь он смотрел на девочку огромными тёмными глазами, явно тоже ничего не понимая.

— С-спасибо, — выдавила я, хватаясь за голову. — Я тут... на улицу... и... такси... а ты... ты уже...

— Я умею, — гордо сказала Соня, даже не оборачиваясь.

— Он любит, когда я так делаю.

— Кто он? — спросила я осторожно. — Сонь, что это вообще за малыш?

Она подняла на меня удивлённый взгляд.

— Это же Даня!

— Кто?

— Даня, — повторила она так, будто сейчас скажет: «Ты что, глупенькая?». — Мой братик.

Я заморгала.

— Братик... — повторила я. — А-а-а. Твой папа очень плодовитый. И совершенно неразборчивый в половых связях.

В голове пробежали картинки: как к дому подъезжают такси и из них выгружают и выгружают детские люльки.

— Но не братик, — добавила Соня.

Мозг вырубился ровно на секунду.

— Прости. Что?

— Ну, братик, но не совсем, — объяснила она. — Не настоящий.

— Соня, он настоящий, — заверила я. — Живой малыш, — очень медленно начала я. — Я ничего не понимаю.

Она вздохнула и принялась объяснять.

— У меня была новая мама, — сказала девочка. — Саша.

— Так... — протянула я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— И у неё с папой должен был родиться малыш. Братик.

Даня. Все так говорили.

— Понятно... — нет, ни черта не понятно.

Соня пожала плечами.

— А потом оказалось, что мама Саша была плохая. Она обманула папу. Сильно обманула.

Она ткнула пальцем в люльку:

— Даня вообще не папин.

Я моргнула раз, моргнула два...

— То есть... он...

— Неправильный братик, — вздохнула Соня. — Но он хороший. Просто мама Саша... плохая.

Казалось, у меня остановилось сердце. Такого поворота сюжета я просто не ожидала.

— Сонь, а что папа сделал?

— Папа сказал: «Соня, мы расстаёмся с Сашей навсегда». И Саша ушла. И Даню забрала.

— Но он здесь! — я истерично указала на ребенка пальцем.

Я человек, у которого кактус сдох на подоконнике, а мне доверили двух детей! Двух!

— Соня, — прошептала я с паникой в голосе. — Пожалуйста, скажи, что твой папа скоро вернётся.

Девочка пожала плечами:

— Папа всегда возвращается, когда работа заканчивается.

Я уставилась на Даню, который снова сжал кулачки и тихонько всхлипнул, проверяя мои нервы на прочность.

— Ладно, — произнесла я. — Не будет же он вечно на работе? Правильно?

Соня радостно закивала и протянула маленькую погремушку:

— Давай, подружка. Теперь твоя очередь развлекать Данию. Только его нужно раздеть. Ему, наверное, жарко.

— А может, я лучше позвоню в полицию? — я высказала предположение и загорелась этой идеей.

— Зачем? — малышка хлопала голубыми глазками.

— Они приедут и... заберут вас. И меня за компанию. До выяснения личности и логичного вопроса: а с какого перепуга я нахожусь в чужом доме без присутствия хозяев...

Ещё и Пупсик этот поддакнет, что я няней прикинулась. Страшно представить, сколько статей можно навешать на бедную меня.

— Плохая идея, — Соня мотнула головой, озвучивая мои мысли.

Да, мыслями я уже была в камере и цеплялась руками за решетку.

— Лучше пойдем смотреть мультики! — позвала Соня, разворачиваясь и убегая в гостиную, громко топая. — Я покажу Дане снеговика!

Глава 3. Олег

Новый год, мать его.

Трасса почти пустая, только редкие фары навстречу. Щётки скребут по лобовому, снег тут же липнет обратно. Я давя на газ больше, чем положено, и краем глаза всё равно слежу за спидометром. На стройке с безопасностью не шутят. На дороге тоже.

А в жизни шестнадцатилетних дебилов, которым приспичило запускать фейерверки с высоты двенадцатого этажа, безопасности, очевидно, нет.

— Прижмись. Разъедемся, — проворчал я, обгоняя медленно ползущую легковушку.

Стоило мне выключить телефон хотя бы на час... Хотя бы на один чёртов час. Побывать нормальным человеком. И вот результат. Сторож срывающимся голосом орёт в трубку: «Олег Тимофеевич, у нас тут... мальчишка упал... полиция... скорая...»

Я до сих пор не знаю, жив пацан или нет.

В горле пересохло. Пальцы сжимают руль так, что костяшки белеют. В голове только одно: “Никого не должно было быть на объекте”. Выходной. Новый год. Охрана. Забор. Камеры.

Но подросткам на всё это плевать.

Когда подъезжаю к стройке, мигалки видно ещё с пере-

крёстка. Красно-синие вспышки отражаются в снегу, в стёклах соседних домов. Машина скорой помощи стоит почти у самого входа, полицейская «буханка» у сторожевого вагончика.

Я прижимаюсь к обочине, глушу двигатель и пару секунд просто сижу, сжимая руль. Вдох. Выдох. Сосредоточься.

Вываливаюсь из машины в сугроб, захлопываю дверь, запах бензина, мороз в лицо.

— Горин! — окликает меня кто-то.

Кивок. Иду, не разбирая лиц. Снег скрипит под ботинками. Боковым зрением замечаю носилки, их как раз загружают в скорую. Маленькое тело под одеялом, лицо бледное, глаза закрыты, маска на лице.

Живой. Уже что-то.

В груди чуть отпускает. Совсем чуть-чуть.

Сторож стоит рядом с полицейскими, шапка в руках, седые волосы мокрые от снега и пота. Вид у него такой, будто он сам только что сорвался с высоты

— Олег Тимофеевич... — голос дрожит. — Я... я минут на пять отлучился, честное слово, в туалет. А они уже... уже там были...

— Потом, Петр Петрович, — отрезаю я. — Сначала факты.

Полицейский в тёплой куртке и меховой шапке смотрит на меня прищуром.

— Вы кто?

— Горин. Руководитель объекта.

Он кивает, протягивает руку.

— Старший лейтенант Куликов. Пройдёмте, Горин. Нам нужно посмотреть ваши камеры.

Охватывает знакомое ощущение: внутри всё стягивается, но снаружи я спокойный, холодный, собранный. Камень. Как меня одна идиотка в своё время обозвала. Смешно, но иногда это даже к месту.

Мы заходим в вагончик. Внутри тепло, пахнет старым деревом и крепким чаем. Монитор, системник, пачка печенья на столе. Петрович шарит по столу, включает экран. Пальцы трясутся.

— Где-то около восьми, — подсказывает ему Куликов. — По времени вызова.

Камера над входом оживает. Чёрно-белая картинка. Пустой двор, ворота, снег.

Перемотка. Быстрые, рваные движения на экране.

Появляется сначала один парень. Шапка, пуховик, рюкзак. Ограничительная лента его вообще не интересует, перелезает через забор так, будто делает это каждый день. Потом ещё один. Девчонка, худенькая, в длинном пуховике. Ещё двое. Смех, толчки, жесты.

— Умники нашлись, — ворчит Петрович. — Я только фонарём туда-сюда — никого. А они, сволочи мелкие, с торца пролезли.

Я ничего не говорю. Глазами фиксирую детали: как легко

они обходят заграждения, как уверенно идут по площадке. Охранка у нас нормальная. Забор высокий. Замки. Предупреждающие таблички. Всё по правилам.

Но никакая табличка не остановит шесть идиотов с телефонами и шампанским.

Следующий кадр — уже камера на третьем этаже. Дранные бетонные стены, арматура, ночные огни города далеко. Подростки смеются, кто-то машет бутылкой. Один ставит на бетон коробку, явно фейерверки. Другой лезет ближе к краю, вытаскивает телефон, поворачивается к друзьям спиной.

— Селфи, — сухо констатирует Куликов.

У меня челюсть сжимается.

На видео всё происходит быстро и медленно одновременно. Пацан шатается, делает шаг назад. Ещё один. Кто-то кричит, машет руками. Пятка срывается с края. Его корпус заваливается назад. Момент, тишина на экране. И он исчезает из кадра.

Петрович крестится.

Куликов морщится, но взгляд спокойный — явно видит подобное не первый раз.

У меня же внутри всё ухает.

Я молчу. Если сейчас рот открою, неизвестно, что оттуда вылетит.

— Скорая вовремя приехала, — говорит Куликов. — Парень жив. Состояние тяжёлое, но стабильное. Вы, как ответственное лицо, будете нам нужны завтра для протокола.

— Понятно, — выдавливаю. — Охрана, ограждения, инструкции — всё в порядке. Объект закрыт. На территории посторонних быть не должно.

Он смотрит на меня пристально.

— И всё равно они там были.

— И всё равно, — киваю. — Потому что у каждого дебила есть ноги и нет мозгов.

Мы ещё несколько минут говорим о формальностях: кто, когда, какие подписаны бумаги, где страховка. Я отвечаю автоматически. Голова работает, как отлаженный механизм, пятнадцать лет на стройке не проходят даром.

Но где-то на заднем плане навязчиво крутятся мысли о дочке. Вместе с лицом той девчонки в шубке вспыхивает тревога. Няня...

Когда на объекте становится тихо и Петрович перестает выкуривать сигарету за сигаретой, повторяя, что теперь он точно сядет, сознание начинает отмечать все больше и больше странностей в блондинке, которую я оставил дома наедине с дочерью. Вечернее платье точно не подходило для работы с ребенком. Еще эти туфли на шпильке зимой.

— На сегодня вы свободны, Горин, — говорит Куликов. — Записи камер сохраните.

— Можете не сомневаться, — отвечаю я.

Он пожимает плечами. У каждого своя работа.

Когда выхожу обратно на мороз, мигалки скорой исчезают в снегопаде. Остаётся только наша недостроенная махина.

Хочется домой.

Достаю из кармана телефон. Если поспешу, то успею встретить Новый год с дочерью. Пролистываю несколько сообщений со стандартными поздравлениями, пока взгляд не цепляется за определенное: “Олег Тимофеевич, не смогли дозвониться. Приносим свои извинения, но сегодня агентство не может предоставить вам няню. Счастливого Нового года!” и смайлик с двумя фужерами.

— Что? — вырывается из груди с облаком пара.

А с кем я оставил дочь?!

Холод паники пробирает до костей. Я перечитываю сообщение дважды, хотя и с первого раза всё понятно. “...Агентство не может предоставить вам няню...”

— Охренеть, — выдыхаю я.

Пальцы сами сжимают телефон так, что тот хрустит в ладони. В голове всплывает картинка: короткая шубка, вечернее платье, туфли на шпильке, растерянные глаза.

«Проходите быстрее. Мне нужно ехать».

Сам втянул. Сам оставил. Сам debil!

— Молодец, Горин, — шиплю себе под нос. — Просто отец года.

Первое, что делаю, тыкаю одеревеневшим пальцем в контакт «Соня». Гудков нет. Сразу короткий писк и мёртвый экран.

Выключен.

— Конечно, — сквозь зубы. — Опять играла в принцесс.

Сколько раз говорил ей: “Телефон не игрушка. Не сажай в ноль. Держи рядом со взрослым”. Когда меня нет, она берёт его играть. Потом кладёт куда-то. Забывает. И в итоге вместо средства связи — кирпич.

Делаю глубокий вдох. Второй. Секунд пять просто стою посреди парковки, чувствуя, как снег забивается за воротник. Надо немедленно ехать домой.

Я уже убираю телефон в карман, как он вздрагивает в пальцах. Незнакомый номер не сулит ничего хорошего. Фантазия уносит к хроникам криминальных новостей города. Вслед за холодной волной меня обдает жаром, по спине течет пот.

Я принимаю звонок, даже не думая.

— Да.

— Привет, Олеж.

— Я занят, — рычу в трубку, узнав голос. Саша! — У меня нет времени...

— Олег, — перебивает она быстро поверх моих слов. — Слушай меня внимательно. У меня ровно минута.

Я стискиваю зубы.

— Ты мне еще ставишь условия?

— Даня у тебя дома, — выпаливает она.

Мир на секунду делает кульбит перед глазами, меня ведет.

— Что?! — не узнаю собственный голос.

— Даня, — повторяет Саша, как будто речь о чем-то ни-

чего не значащем. — Наш... ну, не наш в смысле. Мой сын. Он у тебя дома.

Я закрываю глаза.

— С чего ты взяла, что мой дом — это пункт приёма ненужных матерям детей? — медленно спрашиваю. — Саша, ты где вообще?

На том конце шумно. Гул голосов, объявления. Мужской смех.

— В аэропорту, — отвечает она слишком радостно для человека, который заявляет, что оставила ребёнка у моего дома. — У нас посадка. Я улетаю.

— Куда, мать твою, ты улетаешь?! — не выдерживаю я.

— В Дубай, — чуть ли не мурлычет она. — Олег, не начинай. Это важная поездка. Очень перспективный мужчина, ты понимаешь? Такие шансы нельзя упускать.

Я какое-то время молчу. Потому что, если открою рот, могу разнести все вокруг к чертям.

— Саша, — говорю наконец, выдавливая слова. — Ты хочешь сказать, что притащила к моему дому младенца. Оставила его на крыльце. И уехала в Дубай с перспективным мужиком?

— Не на крыльце! — возмущается она. — Я не сумасшедшая. Я отдала его няне. Всё по-человечески.

Я закрываю глаза ещё крепче. До темных пятен. Не удивлюсь, если это первый признак инсульта.

— Какая няня, Саша?

— Ну та, которую ты нанял! — раздражённо отвечает она.
— Вечером. Мне Леночка сказала, что у вас будет няня на новогодних каникулах. Я подъехала, там открыла какая-то девчонка. Симпатичная. Я ей всё объяснила, она взяла сумки. Я сказала, что вернусь через семь дней. Всё. Что ты от меня хочешь?

У меня сжимается челюсть, еще чуть-чуть — и зубы превратятся в крошку.

То есть...

Леночка что-то наплела Саше. Агентство никого не прислало. А эта дура вручила мальчишку первой встречной.

— Я хочу, — произношу я медленно, — чтобы ты объяснила мне, как тебе вообще в голову пришло, что можно оставить Даньку у неизвестной бабы и улететь в другую страну.

— Олег, ты преувеличиваешь, — фыркает она. На заднем плане объявляют посадку, голос по громкой связи зовёт пассажиров. — Она не была “неизвестной”. Она сказала, что няня. И выглядела прилично. Не орёт, не пахнет алкоголем, вменяемая, хорошо одета. Что тебе ещё надо?

— Желательно мозг, — роняю я. — В голове этой няни. И в твоей. Хотя бы по половинке.

Саша раздражённо цокает.

— Олег, ну не начинай! Я вообще-то тебе услугу делаю.

— Услугу? — переспрашиваю я, чувствуя, как внутри взрывается атомная бомба. — Оставляя на меня ребёнка, который даже юридически не мой, за пять минут до посадки в

самолет, не предупредив, не спросив, не...

— Олег, у меня нет времени на твои монологи! — обрывает она, голос становится резче. — Куда мне было его девать? В багаж? В приют сдать? Или тащить с собой к мужчине, который вообще-то меня пригласил одну?

У меня перехватывает дыхание.

— Это... ребёнок, Саша. Не собачка.

— Прекрати читать лекции, — холодно отвечает она. — Ты же сам говорил, что привязался к нему. Ты прекрасно о нём заботился, когда мы жили вместе. А теперь у тебя большой дом, няню ты нанял. Вот и проведёте праздник все вместе. Красиво же! Семейный Новый год.

Если бы это было возможно, у меня, наверное, сейчас натурально взорвался мозг.

Как я вообще с ней жил? Как сделал предложение? Как покупал ей цветы, слушал этот звонкий голос и думал, что вот она точно та, с которой я буду счастлив?

Слепой был. Или идиот. Или слепой идиот?!

— Саша, — говорю я тихо. — Ты хоть раз в жизни думала не о себе?

Ответа я не жду, но он всё равно прилетает.

— Олег, мне нужно жить дальше, — устало вздыхает она. — Я не собираюсь сидеть в холоде и одиночестве. У нас с тобой не сложилось, это не моя вина.

— Не в этом сейчас дело! — срываюсь я. — Ты оставила ребёнка.

— С тобой, — подчёркивает она. — А ты точно не чужой. Даня тебя любит. И ты его тоже, не строй из себя мученика.

Где-то объявляют: «Идёт посадка на рейс...»

— Мне пора, — говорит Саша уже радостным тоном. — С наступающим тебя, Олег. Не кипятись. Всё будет хорошо.

— Саша, если с детьми что-то случится... — начинаю я, но слышу только тишину в трубке.

Эта безмозглая отключилась.

Я ещё несколько секунд стою посреди стоянки, телефон в руке, снег мерзко липнет к лицу.

— Это звездац...

Теперь у меня ровно одна задача. Добраться до дома быстрее, чем эта волшебная ночь успеет устроить ещё один сюрприз.

Глава 4. Рита

Если бы кто-нибудь час назад сказал мне, что я встречу Новый год с двумя чужими детьми, я бы рассмеялась и покрутила пальцем у виска.

Малыш начинает ёрзать в люльке. Лицо краснеет, рот складывается трубочкой, а потом широко открывается, и через секунду помещение наполняет звук, который я бы официально признала сиреной.

— Он опять плачет, — стону я, хватаясь за голову. — Почему он всегда плачет?

— Потому что младенцы не умеют говорить, — пожимает плечами Соня.

Слишком мудрая девочка для своих лет. Слишком. Даня орёт ещё громче.

— Может... — протягиваю я, пытаюсь перекрычать этого маленького чертенка. — Он хочет есть?

— Нет, — уверенно отвечает Соня, — если бы он хотел есть, он бы кричал по-другому.

Я промаргиваюсь, раскачивая люльку. Взять малыша на руки — для меня подвиг. Он ведь такой крохотный и изворотливый. Да пока я с него снимала комбинезон, думала, умру от стресса.

— По какому другому?

— Ну, вот так: «Уа-уа-уааа!» — пытаюсь изобразить, Соня

разводит руки в стороны и почти подпрыгивает.

— Слушай, — вздыхаю, — он одинаково кричит. У меня уже в ушах пульсирует.

Соня думает пару секунд, глядя на Даню, затем авторитетно говорит:

— Он, наверное, обкакался.

— Что?..

— Он всегда так плачет, — объясняет она внятно. — И личико у него такое. И глаза вот такие. И запах потом идёт. Очень сильный.

— П-п-прекрасно, — заикаюсь я. — И что... нам теперь делать?

— Надо понюхать, — уверенно заявляет Соня. — Или посмотреть. Проверить, — вскидывает указательный пальчик вверх.

— Нет!

— Рита, — Соня смотрит на меня, как на безнадёжную ученицу, — без этого никак. Надо понять, какает он или нет.

— Я не буду нюхать ребёнка! — шиплю я. — Я считаю себя очень хорошим человеком, но у всего есть предел. И он начинается в районе грязного подгузника.

— Ладно, — вздыхает Соня, — я сама.

Прежде чем я успеваю её остановить, она наклоняется над люлькой, втягивает носом воздух и делает такое лицо, будто ей одновременно дали съесть лимон и горчицу.

— Точно, — выдыхает она, морщась. — Он обкакался.

— Спасибо... — бормочу я. — И что теперь?

— Теперь надо поменять ему подгузник, — отвечает Соня.

— Я никогда этого не делала! — почти кричу. — Даже на куклах!

— Не переживай. Я видела, как Саша делала, — говорит она, уже вытаскивая из сумки пачку подгузников и влажные салфетки. — Ты взрослая. У тебя получится.

— Спасибо за веру в меня, но!.. Я открою тебе секрет. Взрослые мало чем отличаются от детей.

Но спорить уже бессмысленно. Через минуту я стою над мальчишкой, вооружённая салфетками. Руки дрожат, малыш кричит, а Соня сидит рядом и смотрит с прищуром, как ревизор из службы качества.

— Снимай штаны, — спокойно инструктирует она.

— Он не в штанах, он в каком-то... скафандре!

— Это комбинезон. Дёрни вот тут.

Я дёргаю. Кнопки щёлкают. Комбинезон раскрывается. Запах усиливается, и к горлу подкатывает тошнота.

— Господи Иисусе... — шепчу я, закрывая нос локтем. — Он что, ел что-то ядовитое? Хотя не удивлюсь, если эта горе-кукушка кормила грудничка какой-нибудь сосиской в тесте. Сомневаюсь, что она пожертвовала своей прекрасной грудью.

— Я люблю сосисочки в тесте, — оживляется малышка, ерзая на коленках.

Я не отвечаю, борюсь за жизнь и за возможность оставить мандаринки внутри себя.

Набираю побольше воздуха в легкие и задерживаю дыхание.

Даня извивается, попа открыта миру, салфетки летят в разные стороны, подгузник, кажется, живёт собственной жизнью, не желая сворачиваться.

— Быстрее, — подгоняет Соня. — Или он сейчас руками туда полезет. Он любит.

— Не-е-ет! — рычу я, ускоряясь. Еще чуть-чуть — и перед глазами полетят темные пятна от нехватки кислорода.

Эти минуты проходят как в аду. Но случается очередное новогоднее чудо! Ребенок чист. Одет. Дышит ровно и почти не кривит личико.

Я бухаюсь на пятую точку, даря малышке нервную улыбку, отталкивая от себя вонючий сверток, намекая, что его нужно как можно быстрее выкинуть. Соня все понимает, хватая его и несется куда-то.

— Я прошла посвящение, — шепчу я. — Я теперь мать-героиня. Мне орден положен. Или хотя бы шоколадная медалька. Нет, — кривлюсь, — шоколадную точно не хочу.

— Тебе нельзя шоколад. У меня аллергия, — напоминает Соня, возвращаясь.

И вновь раздаётся настойчивый звонок в дверь. Складывается впечатление, что я снимаюсь в ситкоме. А где закадровый смех, чтобы я поняла, в какой момент мне весело?!

Может, это розыгрыш и тут действительно спрятаны камеры? Такого просто не может быть в реальной жизни! Я верчу головой. Конечно же, их нет.

Я поднимаюсь на ноги, чувствуя, как подкашиваются колени.

— Только не опять, — шепчу я и бреду в прихожую.

Перед тем как открыть дверь, я осторожно заглядываю в глазок. И вижу мужчину. Уже что-то.

Молодой, симпатичный, но какой-то дерганный и явно злой. Брови сведены на переносице, губы сжаты в одну линию.

— Покажите руки, — кричу, не открывая.

Мужчина поворачивается, смотрит в район глазка.

— Чего? — спрашивает он глухо.

— Руки! — повторяю я строго. — Покажите, что у вас в руках. И сразу предупреждаю: если там ещё один ребёнок, я не открою!

Он поднимает ладони на уровень глазка, растопылив пальцы.

Вздыхаю с облегчением.

— Теперь скажите, — уточняю подозрительно, — у вас точно нет детей с собой?

Он явно озадачен. Лоб нахмурил ещё сильнее.

— Нет! — отчеканивает он. — У меня нет детей с собой.

— Ну хоть что-то хорошее, — я продолжаю допрос. —

Тогда кто вы?

Он запрокидывает голову, закрывает глаза и рывкает:

— Я... — скалится, а потом более мирно продолжает: — Моя бывшая должна была оставить здесь ребёнка. Я приехал за сыном.

— Очень мило, — сухо отвечаю я. — Но ребёнка я первому встречному не отдам. Хотите забрать, докажите, что вы отец.

Он отшатывается назад, будто я плюнула ему в лицо.

— Я и занимаюсь этим, — процедил мужчина. — Оформляю документы. Анализы, черт возьми. Заявления, суды! Вы понимаете, что это не делается за пять минут?

— Прекрасно понимаю, — парирую я. — Но дверь вам всё равно не открою. Сначала доказательства, потом дети.

— Да какие, к чёрту, доказательства?! — он почти переходит на рёв. — Хочешь тест ДНК по видеосвязи сделать? Может, паспорт показать? Мы что тут, на пункте выдачи заказов?!

— Паспорт можно, — честно отвечаю. — Но даже если вы покажете паспорт, я не знаю, как зовут отца ребёнка. Так что это тоже не доказательство.

Он проводит ладонью по лицу, явно сдерживая желание удариться лбом о деревянное полотно.

— Слушайте... — его голос становится ниже. — Там мой сын. Мой. И я сейчас собираюсь его забрать.

Я крепче хватаюсь за ручку двери, готовясь отражать ата-

ку.

— Проблема в том, что пока все, кто приходил к этой двери, приносили мне детей. А не забирали. Так что простите, но я не готова поверить вам на слово.

Он делает шаг ближе, смотрит прямо в глазок.

— Хорошо, — выдыхает он. — Ладно. Хочешь по-плохому...

Длительная пауза.

— Я сейчас позвоню вашему работодателю. И если вы и правда няня, как сказала Саша, то он объяснит вам, кто я.

— Какому ещё работодателю? — бормочу себе под нос. — Пупсику? Да звоните, пожалуйста. Вы сейчас сильно удивитесь, — пробормотала я себе под нос и нервно рассмеялась.

Резким движением мужчина достает из кармана пальто телефон и долго смотрит на дисплей, водя по нему пальцем. Все же прикладывает его к уху и начинает расхаживать перед дверью туда-сюда.

Уж не знаю, звонит он Пупсику или кому другому, но на лице у него только отрицательные эмоции. Он начинает ускоряться, кажется, еще чуть-чуть — и под его ногами не просто начнет таять лед, а задымятся доски. В какой-то момент он останавливается, смотрит на дверь злющим взглядом, потом с остервенением чешет затылок и сбрасывает вызов.

— Раунд два, — шепчу и жду.

Мистер пальто, недолго думая, подлетает к двери и гром-

ко стучит кулачищем.

— Открой дверь, я разговаривал с Олегом, он сказал впустить меня.

— Я не слышала этого, — ответила я и затаила дыхание. — Мне нужно ему позвонить и самой уточнить, — беру незнакомца на слабо. Если он не отец, то сейчас постоит немного и уедет.

Но он выбрал другую стратегию. Подошел к глазку вплотную и прорычал:

— Если не отдашь ребенка, я вызову полицию. И поверь, у меня достаточно связей, чтобы устроить тебе поганую жизнь на ближайшие пару лет.

— Вот говнюк, — ругнулась я и мысленно хлопнула себя по губам. Соня стояла в нескольких шагах от меня и прислушивалась к нашему разговору.

— Кто там? — спросила она шепотом.

— Не знаю. Говорит, отец Даньки.

— Да? — оживилась она. — Дядя... дядя... не помню, как его зовут.

Малышка отдернула занавеску и прилипла носиком к стеклу, всматриваясь в темноту.

— Ну что? Он?

— Ага, — радостно закивала. — Я помню его. У него еще ножка болит. Он ходит вот так, — изобразила хромающего человека.

Я припала к глазку.

— И правда хромает.

— Дядя Егор! — выдала Соня.

— Ясно, — я прикусила губу и спросила громко. — А у вас паспорт есть?

Мужчина хорошенько выругался, но через несколько секунд я увидела, как он тычет документом в глазок.

— Этого достаточно?

— А вы могли бы не дергать рукой? — попросила я, прищурившись.

— Откройте дверь и нормально прочитаете.

— Ага, сейчас, — фыркнула я, сфокусировавшись на мелькавших буквах. — Так... Кузьмин... Егор... Алексеевич, — медленно читаю. — Имя совпало... Сонь, это точно он?

— Он!

Ну, раз уж подтверждено маленьким экспертом, выбора у меня нет. Я буквально на пару сантиметров приоткрываю дверь. Егор тут же вваливается внутрь вместе с порывом ледяного воздуха, но в последнюю секунду резко останавливается.

— Простите, — выдыхает он, выпрямившись. — Я... я очень спешу.

— Неудивительно, — ворчу и закрываю дверь. — Проходите. Даня в комнате.

Он идёт за мной быстро, и едва мы доходим до ковра, где стоит люлька, Егор замирает.

За секунду на его лице пропадает злость. Вместо неё проявляется страх.

— Даня... — хрипло произносит он, приседая рядом, протягивает ребенку руки, и сразу становится очевидно: с младенцами он на “вы”. Руки у него жёсткие, словно деревянные, пальцы напряжены. Он пытается поднять Даню, делает это аккуратно и медленно.

Я ловлю блеск пота у мужчины на висках.

— У меня мало опыта... — признаётся он неловко, глядя на меня виновато. — Только племяннику пару раз подгузник менял.

— Ну, ваш опыт куда больше моего, — отвечаю я, вспоминая недавнюю войну с комбинезоном и содержимым подгузника. — Я сегодня прошла экспресс-курс на выживание.

Соня восторженно кивает:

— Рита крутая! Она раньше вообще боялась детей. А теперь Даню помыла, одела, и он даже не умер!

— Спасибо, Соня. Именно такая формулировка полностью все отражает, — вздыхаю я.

Но девочку уже понесло:

— А ещё, дядя Егор, помнишь, как вы с папой катались по лестнице? Так смешно было! Бух-бух-бух!

Егор покашливает.

Я приподнимаю бровь. Катались по лестнице? Очень похоже на “подрались и скатились кубарем”.

Он бросает на Соню взгляд, который можно расшифро-

вать как "Пожалуйста, молчи", но девочка, кажется, обожает рассказывать тайны взрослых с милой улыбкой на губах.

— Они так смешно ругались! — добавляет Соня. — Папа сказал: "Я тебе щас..." И бац! И вы покатились!

Мужчина краснеет, бормочет что-то про веселье и смех, собирает малыша и, поблагодарив, идет к выходу.

— Хорошего Нового года, — бросает дежурную фразу.

— И вам, — отвечаю я, открыв дверь и всматриваясь в толпу на улице. Компания людей шла к нашему дому. Ну как к нашему? К дому Пупсика.

Детей с ними не было. А это не просто плюс — это плюсище!

— Эй, дуреха! — знакомый голос заставил меня выйти на крыльцо. — Рит, только ты могла так глупо перепутать дома, — Поля шла ко мне с широкой улыбкой на губах. — Вот наш дом, — она показывала на коттедж, что стоял через дорогу, с приветственно открытой дверью. — Скажи спасибо оленю и мне, это я его увидела в окно.

Глава 5. Олег

Дорога домой тянулась, как жвачка, прилипшая к подошве. Фары резали снежную мягкость, дворники скрипели по стеклу, а я каждые десять секунд ловил себя на одном и том же желании — вдавить газ до пола.

Нельзя. Не хватало улететь с обочины.

Руки на руле сведены до онемения. Плечи деревянные. Мысли скачут. Соня. Няня. Даня. И Саша наверняка в блестящем платье где-нибудь в VIP-зале аэропорта. Вот она точно сейчас ни о чем не волнуется. Если только о задержке рейса по погодным условиям.

А с кем я оставил дочь?

Блондинка в шубе, каблуки, растерянный взгляд. Я не спросил ни фамилию, ни документы, ни черта вообще. Просто схватил и втянул ее в дом.

— Гений, Горин, — ворчу я себе под нос. — Просто гений.

Телефон лежит в подстаканнике. Молчит, но я всё равно время от времени смотрю на него, словно силой взгляда могу заставить появиться сообщение: “Олег, у нас всё хорошо”.

Размечтался.

Тишина заканчивается довольно быстро. Экран вспыхивает незнакомым номером.

Я хмурюсь. “Ненавижу незнакомые номера”, — рычу про

себя.

— Да, — рывкаю я, не утруждаясь вежливым расшаркиванием.

— Олег Горин? — мужской уставший голос.

— Он самый, — отвечаю так же коротко. — Кто это?

Пауза долю секунды.

— Кузьмин. Егор.

Я на мгновение прикрываю глаза, хотя это последнее, что должен делать человек за рулём.

— Слушаю, — выдыхаю, стискивая руль до скрипа кожи под ладонями.

— Саша сказала, что сегодня у вас работает няня и она оставила у вас моего сына, — без предисловий говорит он.

— Оставила, — подтверждаю глухо.

— Я уже был у вас дома, — продолжает он. — Няня меня не пустила. И не пустит, пока не убедится, кто я такой.

— Умная девочка, — вылетает у меня автоматически.

На том конце тишина.

— Угу. Олег, ты можешь с ней связаться? Сказать, что я действительно отец. И что имею полное право забрать своего сына.

Мысли на секунду вязнут. Связаться... Телефон Сони выключен. Телефона «няни» у меня нет. И, по-хорошему, мне стоило бы сперва признаться, что это вообще не няня.

— У меня, — выдыхаю я, — не получается до неё дозвониться.

Технически — правда.

— Как это? — в голосе Егора нарастает раздражение. — Ты что, не оставил контактов?

Ненавижу, когда мне задают вопросы, на которые есть только один ответ: “Я облажался”.

— Ситуация вышла, — подбираю слово, — нестандартная. Агентство в последний момент дало заднюю.

— Классика, — сухо отзывается он, судя по всему, не понимая, что именно я имел в виду. — Но я хочу забрать своего сына.

— Извини, но, пока я не вернусь, это невозможно.

— Предлагаешь сидеть под дверью? — рывкает он, но почти сразу предлагает решение проблемы: — Может, ты объяснишь ей, что я не маньяк. Я передам телефон. Не знаю, подсуну под дверь. Передам в окно. Дверь она отказывается открывать.

— Попробуй, — произношу я.

Егор шумно выдыхает, словно собирается добавить что-то непечатное, но передумывает.

— Ладно. Я перезвоню.

Связь обрывается.

Я бросаю телефон обратно в подстаканник и смотрю на часы.

23:21.

Если Соня встретит Новый год без меня — я себе этого не прощу.

Я давлю сильнее на газ, насколько позволяет дорога. Снег летит в лобовое, трасса блестит ледяными разводами. Поворот. Второй. Пытаюсь понять, сколько еще нужно времени, чтобы добраться до дома.

Телефон вновь вибрирует.

— Да.

— Забрал пацана, — голос у Кузьмина всё ещё напряжённый, но уже без истерических нот. — Она всё-таки открыла. Извини за все... — ворчит он неловко. — И спасибо. В общем... С наступающим, Горин.

Я промаргиваюсь.

— Ага. И вас... С наступающим.

Проезжаю через шлагбаум, даже не замечая, кто там в будке, — автоматикой поднимает. Паркуюсь у самого крыльца, колёса зарываются в снег. Вылетаю из машины, одним движением захлопываю дверь.

Ключ.

Поворот замка.

Дверь распаивается. Не раздеваясь, захожу в дом. И в гостиной застываю.

Мой дом.

Мой спокойный чистый дом сейчас вызывает желание перекреститься.

Гостиная выглядит так, будто здесь прошёл похабный корпоративчик. Конфетти на ковре. Хлопушки валяются под столом. На журнальном столике пустые стаканы. Какие-то

блёстки на диване. Спасибо, елка стоит прямо. И в центре этого безумия она. Моя «няня».

Девушка сидит в кресле, закинув ногу на ногу, платье искрится, волосы растрёпаны, а на коленях гора шкурок от мандаринов.

Она поднимает фужер, между прочим, из моего набора и, заметив меня, лучезарно улыбается.

— О! — вскидывает руку, делая это так, будто мы давние друзья. — С Новым годом, Пупсик!

Я замираю. Не образно — буквально. Слово бьет по нервам. Пупсик.

Щёлк.

Где-то внутри отзывается неприятной тянущей болью. Так меня называла мать Сони, когда я был тяжелее на двадцать килограммов, зажирал стресс всем, что к полу не прибито, и делал вид, что мне плевать. Когда это слово было якобы «ласковым», а на самом деле снисходительным и унижающим.

Сейчас я хожу в зал, слежу за питанием и не позволяю себе слабостей. И уж точно не позволяю посторонним людям называть меня так.

Я делаю шаг в гостиную, снимаю куртку, бросаю, не глядя, куда-то в угол.

— Не называй меня так, — говорю спокойно.

Девушка моргает, в её глазах мелькает удивление. Потом усмехается и делает маленький глоток из фужера.

— Хорошо, — тянет она. — Соня сказала, что в семье вас так называют.

— Мы с вами не семья, — отрезаю я. — И даже не знакомые, — окидываю взглядом гостиную. — И что, чёрт возьми, здесь произошло?

Она оглядывается вокруг, театрально осматривает последствия собственных действий.

— Новый год, — пожимает плечами. — Вы разве не видите? Конфетти, хлопушки...

— В моём доме, — подчёркиваю я.

— В доме, где меня оставили одну с ребёнком, — мгновенно парирует она и ставит фужер на подлокотник. — Незнакомого человека.

Я сжимаю кулаки.

Знаю.

Понимаю.

И всё равно бесит.

— Вас никто не заставлял тут устраивать... — я обвожу рукой пространство, подбирая слово. — Вечеринку.

Она поднимается с кресла, ссыпая мандариновые шкурки на сиденье. Без туфель на каблуке совсем кроха, но норова блондинке не занимать. Подходит ближе, упирает руки в бёдра.

— А меня никто не спрашивал, готова ли я стать экстренной няней в новогоднюю ночь, — голос у неё уже не игристый. — Я, между прочим, ехала на праздник. К друзьям. А

не вытирать младенческие жопки и отгонять сомнительных типов от дверей.

— Тип не сомнительный, — резко отвечаю я. — Егор — отец ребёнка.

Блондинка явно под градусом, но мозг у нее работает четко.

— Прекрасно, — фыркает она. — Где он был, когда этого ребёнка оставляли на меня? И что у вас тут вообще происходит? Знаете, я бы посоветовала вам с Егором быть более разборчивыми в женщинах, — точно бьет по болевой точке.

— Мои женщины не ваше дело. Где Соня? — спрашиваю я, не находя дочери в гостиной.

Она кивает в сторону коридора.

— Спит. Я уложила. Сказала, что папа вот-вот придёт. Не благодарите.

Я молчу секунду. Потом всё-таки говорю:

— Спасибо.

Она удивлённо приподнимает брови.

— Надо же. Вы умеете благодарить.

— Иногда, — сухо.

Мы смотрим друг на друга.

— Идемте, — он хватает меня за локоть и тащит к лестнице. — Вы проверите, что ваша дочь в постели, я ничего не украла, и я наконец смогу уйти. Только, — она отпускает мой локоть, неуверенно идет к стене, присаживается: — Наконец зарядился. Вот, — она дергает шнур из розетки, — я

брала у вас зарядку. Когда мы сейчас все осмотрим, вы скажете в камеру, — аккуратным ноготком она показывает на телефон, — что претензий ко мне не имеете.

— Имею, — взрываюсь я и ладонью указываю на гостиную. — Это вообще как понимать? Вас родители не учили не приглашать гостей в чужой дом? Только не говорите, что устроили погром одна.

— И не скажу, — блондинка меня уже снимает. — А вас не учили не оставлять дочь с незнакомыми людьми?

— Убери камеру, — перехожу на “ты”.

— Не убери, — ерепенится она и возвращается к лестнице, поднимается на второй этаж, повиливая бедрами: — Я хочу задокументировать, что, когда ушла от вас, все было в полном порядке. А то мало ли.

Блондинка по-хозяйски ведет меня по моему собственному дому, приоткрывает дверь в детскую и шипит:

— Во-о-от, малышка спит. И вообще, — она поворачивает телефон на меня, — вы, надеюсь, не забыли купить ребенку подарки? Класть под елку самое время.

— Не забыл, — рычу я, вытягивая девушку из Сониной спальни и закрывая дверь. — Разбудите ребенка.

— Ой, не пытайтесь изображать из себя хорошего отца, — фыркает она и направляется к моей спальне. — Вот, — тычет пальцем в раскрытую дверь, — смотрите, что ничего не пропало, и я пойду. Семь минут до Нового года. Хотя тут и пропадать нечему. Трусы я ваши не крала.

— Надеюсь, — зачем-то отвечаю на глупое высказывание.

— Не льстите себе, — отмахивается она и кривит личико, осматривая меня с головы до ног. — Ну так что, претензий не имеете, Олег? М?

— Не имею, — цежу сквозь зубы.

— Вот и отлично, — она отключает камеру, шустро спускается по лестнице, хватая сумочку, прыгает на одной ноге, стараясь надеть туфли. — Блин, ноги отекли, — жалуется. — Где моя шубка? А, на кухне, — звонко стучит каблуками по полу.

На мой крик, когда я в гостиной наступаю на что-то продолговатое, упругое и ярко-розовое: “Это вообще что такое?!” — блондинка резко оборачивается, вспыхивает от смущения, летит на меня, бьет по бедру, чтобы я сошел с фаллоимитатора.

— Это Валера! Мой друг! — хватая его и прячет в сумочку, заправляя золотистые ленточки от банта, что был навязан на игрушку. — До свидания! — выпаливает и несется к двери, неуклюже переставляя ноги по навалившему снегу. — О-о-ой! — протягивает, с хлопком падая на симпатичную задницу. Вскидывает руку. — Я сама! Вот не надо мне помогать. И вообще мне недалеко, — указывает пальцем на дом напротив, откуда доносится музыка. Поднимается, отряхивается и марширует через дорогу, игнорируя двадцатисантиметровый слой снега. — Прощайте!

Глава 6. Рита

Я перехожу дорогу, проклиная каблуки, снег, короткие платья, мое желание покрасоваться в чулках и все свои жизненные решения сразу. Ноги ледяные, колени дрожат, нос щиплет так, будто я сунула его в морозилку. Шубка не греет. Да и как может что-то согреть, если оно даже попу не прикрывает! Господи, как же мама была права, когда ругала меня и говорила, что одеваться нужно потеплее. Ну почему правоту родителей мы признаем слишком поздно?

Музыка из дома напротив грохочет так, будто там не праздник, а фестиваль выживания барабанных перепонок. Свет горит во всех окнах, на крыльце мелькают силуэты, смех, крики.

Я подхожу к двери, и в этот же момент она распаивается настежь.

— Семь! — орёт кто-то.

— Восемь! — подхватывает толпа.

И меня буквально выносит волной обратно на улицу вместе со всеми.

— Девять!

Люди валят на крыльцо, кто-то хватается за локоть, в руку тут же суют бокал.

— Держи! — кричит парень.

— Десять!

Полина выпрыгивает, как черт из табакерки, в блестящем платье.

— Рита! — визжит она и сжимает меня в объятиях. — Наконец-то! Я думала, ты уже там и останешься!

— Я тоже, — отвечаю, отбивая зубами чечетку.

Мужчины носятся перед домом, устанавливают фейерверки, поджигают фитили, искры летят во все стороны.

— Одиннадцать! Двенадцать!

— С новым годом! — кричу я вместе со всеми, подпрыгивая и проливая шампанское себе на руку.

Фейерверки взрываются над головой. Красивые до мурашек. Небо расцветает яркими цветами, люди визжат, смеются, обнимаются. Я смотрю вверх, щурясь от вспышек.

— С Новым годом! — кричит Поля мне в ухо.

— С Новым! — кричу в ответ, дрожа уже всем телом.

Через пару минут все наконец начинают заходить обратно в дом, оставляя на улице обгоревшие палочки от салютов. Я захожу последней, с трудом чувствуя пальцы ног.

В тепле меня немного развозит. Я ставлю бокал на ближайшую поверхность и поворачиваюсь к подруге.

— Поля, — говорю я жалобно, — если ты меня сейчас не оденешь во что-нибудь тёплое и сухое, я либо заболею, либо умру. Возможно, одновременно.

Она оглядывает меня с ног до головы и прыскает со смеху.

— Господи, — качает головой. — Почему с тобой одни беды?

— Это не со мной.

— А с кем?

— Вон, — я указываю по направлению соседского дома.

— Спроси у Пупсика, почему он решил, что может испортить мне новый год.

— Если хочешь, мы можем закидать его дом яйцами. Свежими. Тухлых у нас нет, — она уже тянет меня за руку. — Пойдем. Я тебя сейчас укутаю, как капусту.

Полина затаскивает меня в комнату, не забывая при этом вести небольшую экскурсию по новому дому, силком усаживает на кровать.

— Сиди. Сейчас, — командует она и исчезает в шкафу.

Через секунду мне в лицо летит что-то тёплое и мягкое.

— Держи. Святое. Моё лучшее, — торжественно заявляет она. — Спортивный костюм. Флисовый. И носки. Шерстяные. Бабушка вязала.

Я смотрю на это богатство с восхищением, словно мне вручили королевскую мантию.

— Поля, — выдыхаю я, — если не заболēju, я назову в твою честь кота. Или ребёнка. Пока не решила.

— Давай кота, — фыркает она. — Кот Полин. Полинтий. Поли...

— Полиграф, — выдаю я.

— Аполлинарий.

— Поль! Кот Поль. Красиво и аристократично.

— Одобряю.

Я быстро переодеваюсь. Платье летит на стул, к нему чулки. Костюм оказывается тёплым, уютным и абсолютно не сексуальным. Но сейчас мне плевать. Я натягиваю носки, и жизнь сразу налаживается.

Подхожу к зеркалу, пытаюсь привести волосы в порядок, пригладить торчащие пряди. Смотрю на своё отражение. Растрёпанная, покрасневший нос, следы усталости под глазами.

— Да и пошла ты, — говорю отражению и машу рукой. — Переживёшь без идеальной укладки.

Мы спускаемся на первый этаж.

Внизу царит классический новогодний хаос. Музыка громче, чем нужно трезвому человеку. Люди вышли из-за стола и скучковались по интересам. Танцуют, фотографируются с ёлкой, обнимая её как родную, пьют на брудершафт.

Я вдруг понимаю, что желудок сводит от голода. У Пупсика я, конечно, геройствовала, но в чужой холодильник не полезла. А сейчас организм требовал компенсацию. Срочно и масштабно.

Я направляюсь к столу, сажусь, не церемонясь, беру тарелку и накладываю себе всё. Оливье, селёдку под шубой, мясо, сыр, хлеб.

— Ого, — хмыкает кто-то рядом. — Голодная.

— Ты даже не представляешь, — бурчу я с полным ртом и продолжаю жевать.

Только на третьей ложке оливье я замечаю его.

Симпатичный. Высокий. В идеально сидящей рубашке. Стоит чуть в стороне, вокруг него вьется сразу несколько девушек. Смеются, трогают парня за рукав, одна что-то шепчет ему на ухо.

— Кстати, — Полина плюхается рядом со мной и кивает в его сторону, — это Женя.

Я жую и смотрю, не испытывая вообще ничего, кроме лёгкого раздражения.

— Тот самый, — продолжает она. — Он тебя не дождался.

Я делаю паузу, сглатываю, потом пожимаю плечами.

— Ну и черт с ним, — бормочу я и придвигаю к себе салатницу с оливье поближе. На всякий случай. Чтобы никто не покусился. А внутри покалывает обида. Ведь все из-за одного сурового мужчины с очень плохим характером и ещё худшим решением оставить дочь с первой встречной.

— С Новым годом, Рита, — тихо говорю я сама себе и отправляю в рот ещё одну ложку. — Не было мужика, нечего и начинать.

Глава 7. Олег

Дверь за блондинкой закрывается с глухим щелчком, и в доме наконец становится тихо.

Я стою пару секунд, глядя на пустую прихожую, словно “няня” может материализоваться вновь, держа в руках фужер. Не материализуется. Только холод от приоткрытой двери тянет по полу.

Новый год...

Я медленно выдыхаю, возвращаясь в гостиную, поднимая с пола куртку, вешаю её на крючок. Обувь ставлю на полку. Дом снова мой. По крайней мере, формально.

Окидываю взглядом последствия незапланированного праздника. Конфетти липнет к полу. Хлопушки валяются под диваном. На столике пустые стаканы, мандариновые шкурки, какие-то блёстки. Только елка стоит, как солдат на посту.

Начинаю убирать. Как на объекте: сначала крупный мусор, потом мелочь. Собираю стаканы, несу на кухню. Высыпаю шкурки в мусор. Когда достаю пылесос, за окном грохочут первые салюты. Вспышки отражаются в стекле. Красиво. Наверное.

Поднимаюсь на второй этаж. Тихо открываю дверь в детскую.

Соня спит, свернувшись калачиком и прижимая к себе иг-

рушку.

— С Новым годом, малышка, — шепчу я и аккуратно прикрываю дверь.

Возвращаюсь в гостиную, прохожусь пылесосом по ковру. Дом теперь действительно чистый. Достая из холодильника сок, наливаю себе в бокал. Салютую им в сторону окна.

— Ну что, Горин, — говорю вслух, — еще один год справился.

Чокаюсь с пачкой сока и делаю глоток. Накрываю небольшой стол из заранее купленной еды. Включаю телевизор. С экрана кто-то в блёстках радостно орёт в микрофон, поёт под фонограмму и изображает счастье.

Я морщусь и выключаю.

Поднимаюсь наверх, гашу свет. Ложусь в кровать, скинув вещи прямо на пол. В голове пусто и тихо. И это, пожалуй, лучшее, что могло случиться сегодня.

Я проваливаюсь в сон, а потом меня оглушает детский писк:

— Па-а-апа-а-а!

Я вздрагиваю, резко открываю глаза и тут же получаю маленькое тёплое тело прямо в грудь.

— Ай! — вырывается у меня. — Соня!

Она уже на кровати. В пижаме со звёздочками, растрёпанная, счастливая до визга. Прыгает, как мячик, тормошит меня за плечо обеими руками.

— Папа! Папа, просыпайся! Дедушка Мороз приходил!

Настоящий! Он мне снеговика подарил! Как в мультике! И он разговаривает!

— Угу... — бормочу я, пытаюсь сфокусироваться. — Конечно... разговаривает...

— Не угу! — возмущается она. — Он правда говорит! Смотри!

Она резко соскакивает с кровати, но тут же возвращается и снова лезет ко мне, дёргая за руку.

— Вставай! Пойдём вниз! Вдруг тебе тоже что-то подарят!

— Сонь, — я переворачиваюсь на спину и прикрываю глаза ладонью, — Дедушка Мороз не дарит подарки взрослым.

— Дарит! — уверенно заявляет она. — Просто не всем. Только хорошим.

Я усмехаюсь.

— Значит, мне не светит.

— Папа! — она возмущённо надувает губы. — Ты хороший! Очень! Просто иногда вредный.

Логично.

— Ладно, — вздыхаю я. — Дай мне пять минут.

— Три! — торгуется она мгновенно.

— Пять.

— Четыре, — соглашается она великодушно и, спрыгнув с кровати, убегает, крича на ходу: — Я пока чай поставлю!

Я лежу ещё пару секунд, глядя в потолок. В груди тепло, тихо, спокойно.

Через обещанные пять минут спускаюсь на первый этаж. На кухне уже кипит чайник. На столе стоят две чашки. Соня, закатав рукава пижамы, вытаскивает из холодильника пирожные и расставляет их с важным видом.

— Я сама, — предупреждает она. — Я осторожно.

— Вижу, — хмыкаю я.

Она поднимает на меня заговорщический взгляд и понижает голос:

— Папа... Дедушка Мороз оставил тебе подарок.

— Соня... — начинаю я устало. — Мы же говорили.

— Проверь, — настаивает она, округляя глаза. — Ну, пожалуйста. Вдруг он решил, что ты заслужил.

Я вздыхаю, но подхожу к ёлке. Просто чтобы закрыть тему. И замираю. Под нижними ветками, чуть в стороне, лежит что-то плоское. Я наклоняюсь и поднимаю открытку.

Из плотного цветного картона. Криво вырезанную. Заклеенную блёстками, стразами и наклейками так, будто кто-то старательно пытался сделать её самой красивой в мире.

— Ну? — нетерпеливо тянет Соня. — Есть?

— Есть, — отвечаю я медленно.

Она радостно хлопает в ладоши.

— Я же говорила!

Я провожу пальцем по блёсткам, чувствуя, как что-то странно сжимается внутри.

Дедушка Мороз, значит... Переворачиваю открытку, блёстки сыплются на пол, одна прилипает к коже, никак не

хочет отставать. Очень в духе вчерашнего вечера.

— Читай! — Соня подпрыгивает на месте. — Читай вслух!

— Это вообще-то мой подарок, — бурчу я, но всё равно открываю.

Внутри неровные буквы, выведенные разными фломастерами.

— С Новым годом, Олег. Дедушка Мороз, — расшифровываю надпись, мысленно добавляя нужные буквы и исправляя ошибки.

— Ну? — Соня смотрит так, будто от моего ответа зависит судьба мира. — Правда, подарок?

Я сглатываю.

— Правда, — отвечаю наконец. — Очень хороший.

Она сияет. Обнимает, прижимается щекой к бедру.

— Я знала! Дедушка Мороз никогда не ошибается.

Я улыбаюсь и смотрю на открытку ещё раз, провожу по мягким детским волосам.

— Сонь, — говорю я, убирая открытку на комод, — а ты знаешь, кто был Дедушкой Морозом?

Она делает большие глаза и очень серьёзно качает головой.

— Нет. Но он был высокий. И пах мандаринами. И немножко злился, — добавляет после паузы. — Но по-доброму.

Ну, конечно.

Я наливаю чай, сажусь за стол напротив неё. Мы едим пирожные, Соня болтает без остановки, рассказывает про своего любимого снеговика, которому выделили чайную чашку и отдельное пирожное.

Что ж, год начался не так и плохо.

Соня, не скрывая удовольствия, ест пирожное, запивает чаем и параллельно рассказывает снеговика, как прошла ночь. Снеговик молчит, но, судя по выражению его мехового лица, полностью одобряет происходящее.

Потом мы перебираемся в гостиную. Я включаю телевизор. Соня тащит раскраски, фломастеры, раскладывает всё на полу.

— Пап, а ты раскрашивай аккуратно, — наставляет она.

— Не вылезай за линии.

— Постараюсь, — усмехаюсь я, уже понимая, что проважусь.

Через пять минут моя принцесса выглядит так, будто пережила пожар и наводнение за пару часов своей сказочной жизни. Соня вздыхает, но ничего не говорит. Просто пододвигает мне другой лист.

К обеду в дом врывается мама.

С пакетами, коробками, громким поздравлениями и запахом духов, который невозможно ни с чем перепутать.

— С Новым годом! — объявляет она с порога. — Где моя любимая внучка?

Соня визжит и летит к ней, виснет на шее. Пакеты мигом

перекочёвывают на стол, коробки — под ёлку.

— Олег, ты как всегда, — бросает мама, окинув взглядом дом. — Тихо, чисто и скучно. Нормально встретил?

— Более чем, — отвечаю я уклончиво, не посвящая в рабочие проблемы.

Мама уже на кухне. Соня тут же при ней с важным видом помогает доставать продукты для домашнего печенья.

— Бабуль, а давай я буду мешать!

— Конечно, — соглашается мама. — Только мешай не всё подряд.

Я остаюсь в гостиной, листаю новости, слушаю, как на кухне звенит посуда и как Соня комментирует каждое движение.

И вдруг:

— Бабуль, а где Рита?

Я поднимаю голову.

— Какая Рита? — тут же интересуется мама, выглядывая из кухни.

Соня высовывается следом, удивлённо моргает.

— Ну, Рита. Моя подружка.

Мама переводит очень внимательный взгляд на меня.

— Олег? — тянет она. — Это кто?

— Долгая история, — отвечаю я и сразу же жалею.

Соня хмурится, надувает губки. Видимо, эта настройка в женщинах любого возраста с рождения.

— А почему она ушла? — спрашивает она серьёзно. — Я

же спала. Она даже не попрощалась.

— Потому что ей нужно было домой, — говорю я спокойно. — У неё свои друзья, свои дела.

— Но она же мне помогала, — не сдаётся Соня. — И с открыткой, — проговаривается, но не замечает, — и с Даней, и вообще... Она мне понравилась. Мне кажется, она очень похожа на маму, которая захочет, чтобы я была ее дочерью.

Я беспомощно приоткрываю рот, не понимая, как малышка смогла сделать такой вывод буквально на пустом месте.

Мама, хвала всему сущему, пропускает высказывания Сони о Рите и цепляется за другое.

— Даней? — переспрашивает она медленно.

— Мам, — предупреждаю я. — Потом.

Соня уже забралась ко мне на диван.

— Пап, — говорит она настойчиво. — А давай мы её найдём?

— Зачем? — спрашиваю я.

— Ну как зачем, — искренне удивляется она. — Поздравить. И подарок подарить. Она же ушла, когда я спала. Это как-то нечестно. Давай ей позвоним. Я скуча-а-аю.

Я вздыхаю.

— Соня, мы даже не знаем, где она живёт. И у меня нет ее номера.

— Знаем, — тут же отвечает она. — Напротив.

Я стараюсь не выдать собственного удивления, но все же давлюсь воздухом.

— Что?

— Ну, она же пошла в дом напротив. Там музыка была. Она туда ушла.

Мама смеется, продолжая стучать ножом по разделочной доске.

— Интересная у тебя жизнь, Олег, — бросает она. — Прямо насыщенная.

— Безмерно, — произношу я обреченно.

Соня тянет меня за рукав.

— Пап, ну, пожалуйста. Рита вчера кормила меня мандаринками, мы с ней смотрели мультики. Она такая хорошая, как ма-а-ама, — опять тянет заискивающе. — И Дедушка Мороз, наверное, хотел, чтобы ты тоже был хорошим.

Хочется рыкнуть в ответ, но только дочка не виновата в том, что я ошибся с выбором женщины. И в каждой приветливой блондинке Соня теперь видит гипотетическую мать.

Я смотрю на малышку, потом на кухню, потом в сторону окна, где за дорогой стоит соседский дом.

— Мы подумаем, — говорю наконец.

— Правда? — глаза у Сони загораются.

Вот умеет она давить на нужные кнопки.

— Правда, — киваю я. — Но сначала обед.

Она радостно спрыгивает с дивана и несётся обратно к бабушке. Какова вероятность, что блондинка все еще у друзей? Минимальная. Нормальный человек уже должен быть у себя дома. Нормальный...

Глава 8. Рита

Я проснулась не от будильника или сладкого ощущения, что выспалась, а от адского тарахтения, будто под окнами решили завести трактор.

Ну какой трактор в элитном поселке? Машины, что были припаркованы у домов, мало походили на сельскохозяйственный транспорт и точно не могли издавать подобные звуки.

— Что за... — простонала я, зарываясь лицом в подушку.

Тарахтение не только не прекращалось — оно становилось настойчивее, злее и громче. То приближалось, то удалялось. То приближалось, то удалялось. Я бы могла сказать, что стекла дрожали в раме, но на самом деле это гудела моя голова.

Я перевернулась на спину, приоткрыла один глаз и посмотрела на часы на телефоне.

12:07.

Первое января.

Полдень.

— Кто вообще шумит первого января в полдень?! — возмутилась я вслух, адресуя вопрос в пустоту. Это же святое время. Время доесть оливье. Время лежать. Моргать и строить планы на следующие дни.

Я сползла с кровати, накинула Полькину толстовку по-

верх пижамы и, едва волоча ноги, подошла к окну. Отдёрнула штору и удивленно распахнула глаза.

У дома напротив стояла снегоуборочная машина. А рядом с ней мужчина. Судя по комплекции и движениям, это был мистер Пупсик во всей красе.

Господи, Рит, когда ты вообще успела запомнить его комплекцию? Вы виделись минут пять от силы.

В куртке, без шапки, с лопатой в руках и лицом человека, который решил начать год с полезных привычек, мужчина выпускал клубы пара и осматривал проделанную работу.

Он методично, с каким-то почти оскорбительным усердием раскидывал снег. Не просто убирал — уничтожал. Словно каждый сугроб был лично ему должен.

— Да ты издеваешься... — пробормотала я, когда он приклонил лопату к стене дома и вернулся к машине. Она снова взревела, выплёвывая снег в сторону забора.

Он не только помешанный на чистоте и порядке, а зануда! Вот просто эталонный зануда! Не дай бог с таким связать жизнь.

Кто в здравом уме первого января не спит до трёх? Кто вообще решает: «А не почистить ли мне снег?» — когда вся страна коллективно страдает?

— Конечно, — фыркнула я, скрестив руки на груди. — Ты из тех, кто моет окна на рассвете воскресенья и получает от этого удовольствие.

Почувствовав взгляд, мужчина вдруг поднял голову. Я за-

мерла, как школьница, пойманная за подглядыванием. И, не придумав ничего умнее, раздражённо задёрнула шторы.

— Псих. Абсолютный.

Тарахтение, разумеется, никуда не делось.

Я вернулась в постель, натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок.

Дверь в спальню тихо скрипит, и в проёме появляется Полина. Волосы растрёпаны, под глазами остатки макияжа. Она трет лицо ладонями, зевает, словно пытается проглотить всю комнату целиком, и недовольно ворчит:

— Ты это слышишь?

— Если ты про “тр-р-р” под окнами, то да, — мрачно отвечаю я, не поворачивая головы.

Полина проходит в комнату, плюхается рядом со мной и подтягивает одеяло себе на колени.

— Какой-то идиот, — ворчит она. — Решил разбудить весь поселок.

— Угу, — вздыхаю я. — Он решил внести разнообразие в привычный уклад.

Полина прищуривается, глядя на шторы.

— Это же сосед, да? Тот самый.

— Угу. Мистер «Я оставлю ребёнка с первой встречной и поеду работать», — фыркаю я. — Олежка.

Полина хмыкает, потом вдруг поворачивается ко мне с подозрительно деловым видом.

— Слушай... — начинает она осторожно. — А сходи с

ним поговори.

— Чего?

— Ну ты же с ним знакома, — пожимает плечами Полина.

— А мы с Сашей ещё даже не представлялись. Неловко как-то кидать претензии. А ты уже... ну, — она делает неопределённый жест рукой, — вхожа.

— Не издевайся, — простонала я и натянула одеяло повыше.

— Ну, пожалуйста, — тянет Полина. — Скажи ему, что тут люди хотят умереть спокойно. Или хотя бы дожить до вечера.

— Он меня вчера чуть не сдал в полицию, — ворчу я. — Думаешь, этот человек, — я указываю ладонью в сторону окна, — меня послушает?

Полина задумывается, потом вздыхает.

— Ладно. Тогда план Б.

— Мне уже страшно.

— Раз поспать не удастся, — она встаёт с кровати и тянет меня за рукав, — пойдём поедим.

Я смотрю на неё пару секунд, потом сдаюсь.

— Вот это, — киваю, — единственное разумное предложение за всё утро.

Мы вылезаем из-под одеяла, и пока я надеваю носки, тархтение за окном ни на секунду не стихает.

— Поль, у вас нет ружья?

— У-у, — она огорченно крутит головой.

— Плохо.

Мы спускаемся, держась за перила. Гостиная встречает безжалостным пейзажем.

— Ох... — выдыхает Полина, оглядывая поле боя. — В оправдание могу сказать, что это было весело. Ладно, — хлопает в ладоши и морщится от громкого звука. — Вкусненькое откладывается. Ты отвечаешь за мусор, я — за посуду.

Мы начинаем молча убирать следы праздника. Я сгребаю конфетти, какие-то обертки и грязные салфетки. Полина собирает тарелки.

— Клянусь, — подруга бурчит себе под нос, — в следующем году я праздную в пижаме в компании пледа и сериала.

— Я в следующем году, — отвечаю я, засовывая в пакет хлопушку, — вообще не выхожу из дома. Ни при каких обстоятельствах.

В этот момент тархтение за окном нарастает. Перестает быть фоновым. Кажется, что Пупсик под самыми нашими окнами борется с последствиями метели.

— Поль... — медленно говорю я. — Скажи мне одну вещь.

— Если ты хочешь узнать, есть ли что-то в холодильнике искрящееся и с пузырьками. Мой ответ: есть.

— Я не об этом, он что, подъехал к нам?

Полина выглядывает из кухни.

— Не знаю. А должен?

Я не успеваю ответить, тархтение резко стихает, и в на-

ступившей тишине раздаётся уверенный звонок.

Мы с Полиной смотрим друг на друга, она подбородком указывает мне на дверь.

Я иду, чувствуя, как внутри поднимается странное, неприятное предвкушение. Что-то мне подсказывает: ничего приятного я сейчас не услышу. Перед тем как открыть, выглядываю в окно и замечаю краснолицего мужика в шортах и пуховике на голое круглое пузо.

— Доброе утро, — произношу я в щелочку, щурясь от яркого света.

— Да ни хрена оно не доброе! — орет мужик. — У вас в голове что?

— Что? — переспрашиваю я, не понимая агрессию.

— Судя по всему, вакуум. А что в восемь не начали чистить? Соображалки не хватает, что люди отдыхают? Коро-че, — обдаёт меня перегаром, — если я еще раз услышу, как гудит вот эта присобина, — он делает шаг в сторону и тыкает в снегоуборочную машину пальцем, которая почему стоит у нас под дверью, — заставлю сожрать весь снег перед своим домом. Ясно?

— Ясно, — отвечаю на автомате.

Мужик разворачивается резко, едва не сносит локтем дверной косяк, бурчит под нос что-то матерное и, пошатываясь, уходит по дорожке, оставляя за собой устойчивый шлейф перегара.

Я ещё пару секунд смотрю ему вслед, потом перевожу

взгляд вниз.

Снегоуборочная машина стоит прямо у крыльца. Даже не на дороге или у участка, а перед домом. Аккуратно, как будто её специально припарковали тут.

— Ты... это... — Полина выглядывает из-за моего плеча, щурится. — А он вообще кто?

— Понятия не имею, — медленно отвечаю я. — И знать не хочу.

Мужик проходит пару домов и сворачивает за высокой туей.

— Ваш сосед, судя по всему, — добавляю и покачиваю головой.

— А машина? — она тычет пальцем. — Она откуда тут?

Я пожимаю плечами, но внутри уже начинает закипать раздражение. Поднимаю взгляд. В доме напротив приоткрыта дверь, внутри движение.

— Вот же... — бормочу я себе под нос.

Значит, решил красиво выйти из ситуации: поставить шумную махину под наши окна — и пусть разбираются другие. Или это месть за беспорядок в гостиной?

Серьёзно?

Это поведение взрослого мужчины?

Отца?

Человека, который вчера читал мне нотации про ответственность?

— Я сейчас, — произношу я.

— Рит, ты куда? — настораживается Полина.

— Узнаю, — отвечаю я уже на ходу, — у него проблемы со слухом или с совестью.

Я ныряю в первую попавшуюся мужскую обувь — огромные кроссовки, которые мне явно велики, но сейчас не до эстетики, рывком распахиваю дверь и выхожу на улицу.

Мороз неприятно покалывает лицо и сразу же пробирается под толстовку. Дверь дома напротив открывается полностью, Олег выходит, замечает меня.

Мы идём друг другу навстречу синхронно.

Я останавливаюсь посередине дороги.

— Вы специально? — спрашиваю я без предисловий, накинув капюшон и скрестив руки на груди.

Он поднимает бровь.

— Простите?

— Машину, — киваю я в сторону тарахтящего монстра.
— Под наши окна. Это был тонкий расчёт или месть за гостиную?

Мужчина смотрит на меня пару секунд.

— Я убирал снег, — спокойно отвечает он. — У себя.

— У себя — это через дорогу, — я делаю шаг ближе.

— Верно.

— Тогда почему она тут?

— Хотел отблагодарить вас за помощь, — говорит так, словно слова ему даются с трудом. — Признаю, — продолжает он, — я вчера вспылil, но на это были обстоятельства.

Я действительно благодарен. С моей дочерью все в порядке. С домом... тоже, — ну, тут он явно кривит душой, и его спасибо не от чистого сердца. — Вы были не обязаны сидеть с ней, могли просто уйти к друзьям.

— Да! — произношу я с вызовом, чтобы Пупсику стало совсем стыдно, а про себя добавляю: “Ушла, если бы знала куда...”

— Спасибо, — говорит он. — И... — он немного кривит-ся, но все же выговаривает: — Прошу прощения, если сказал что-то не то.

— Прощаю.

Мужчина пропускает мимо ушей мой великодушный ответ.

— Я увидел, что вы уже встали, и вот, хотел почистить снег и у вас. Мне не сложно.

— Мы встали из-за этого, — я нервным жестом указала на машину.

— Я не знал, что вас это разбудит, — говорит он ровно. — Вы ко мне пришли ругаться?

— Я пришла понять, — отвечаю честно, — это вы такой всегда или это новогоднее обострение?

— Я сейчас её уберу, — наконец говорит он. — Машину.

— Отлично, — киваю я. — Соседи тоже будут рады. По вашей вине меня уже отчехвостили, — бросаю взгляд на дом, куда ушел пузатый скандалист. Нет, я его понимала. Только получила ни за что.

Мы смотрим друг на друга несколько долгих секунд.

Зло.

Упрямо.

Каждый из нас уверен, что прав именно он, а другой —ходячее недоразумение с плохими манерами.

Олег сжимает челюсть, на скулах проступают жёсткие тени. У него явно на языке вертится что-то колкое, резкое, совершенно лишнее. Он открывает, и именно в этот момент раздаётся:

— Ри-и-и-тааа!

На крыльцо вылетает маленький ураган.

Соня.

Растрёпанная, счастливая, с сияющими глазами.

— Рита! — она несётся ко мне через снег, не разбирая дороги.

— Соня! — вырывается вместе с воздухом, малышка врезаётся в меня с обнимашками, обхватывает руками и прижимается крепко.

— Ты чего без шубки?! — тут же выпаливает она, отстраняясь ровно настолько, чтобы посмотреть на меня снизу вверх с серьёзным видом. — Ты же замёрзнешь! Заболеешь! Надо срочно чай! Папа! — она оборачивается к Олегу. — Рита простудится!

Щелк — злость и раздражение уходят с мужского лица. Ага, вот, значит, ты как умеешь смотреть, Пупсик! С обожанием и теплом.

— Рита уже взрослая и сама знает, как ей одеваться.

Хм, так вот культурный вариант фразы: “Мне плевать, что с ней будет”.

— Ну, пап, — хныкает малышка.

— Ты мне лучше скажи, почему ты без шапки? — он строго спрашивает у дочери. — Иди возьми.

— У-у, — она трясет пшеничными кудряшками. — Я зайду в дом, а Рита уйдет.

— Не уйду, подожду тебя, — обещаю я.

— Точно?

— Точно, — я вскидываю правую руку.

Девочка стрелой несется в дом, а я над самым ухом слышу недовольное сопение.

— Ну и зачем это вам? — басит Олег.

— Не понимаю, о чем вы, — хмурюсь и отступаю.

— Вы будете с ней играть?

— А почему нет?

— Наверное, потому, что она чужой ребенок.

— Ой, знаете, — последний слог я выделяю интонацией, — прекратите мне выкать, от этого ваша речь не становится приятнее. Вчера ты мне нравился больше.

Я стою посреди дороги, скрестив руки, и смотрю на мужчину с легким пренебрежением. Надеюсь, что с легким.

— Кстати, вчера ты мне обещал тройную доплату, — вспомнила я.

Олег шумно выдыхает, бросает на меня короткий взгляд,

разворачивается к снегоуборочной машине.

— Это было до того момента, пока твои друзья не разнесли мне гостиную.

— Мои друзья устроили ребенку праздник, — парировала я.

— Валера был одним из гостей?

Вот тут мне ответить было нечем. Разумнее было промолчать, чем пуститься в неудобные объяснения, что это была неудачная шутка Полины и очередное напоминание, что с мужчинами у меня все очень плохо.

— Я сейчас, — бросает он через плечо.

— Конечно, — бормочу я ему вслед.

Холод постепенно пробирается под толстовку, и энтузиазм стоять принципиально без верхней одежды начинает таять быстрее, чем снежинки на лице. Я косо смотрю на дом Полины, потом на дом Олега и принимаю единственное разумное решение за утро.

Забегаю внутрь, хватаю с вешалки первую попавшуюся куртку. Судя по размеру и запаху дорогого парфюма — мужскую. Но сейчас мне плевать. Натягиваю, рукава закрывают ладони, зато тепло.

Возвращаюсь как раз в тот момент, когда ворота гаража напротив начинают открываться, а снегоуборочная машина, фырча и подрагивая, медленно исчезает внутри. Шум наконец стихает. Благословенная тишина.

— Ри-и-та!

Соня вылетает из дома уже в шапке, шарфе и варежках. Экипирована лучше меня и явно готова к подвигам.

— Ты обещала! — напоминает она, подбегая и хватая меня за руку.

— Я же сказала, что дождусь, — улыбаюсь я. — Я своих слов не забираю.

— Давай в снежки! — тут же предлагает она, нагибаясь за первым комком снега.

— Эй, — предупреждаю я, — чур, не целиться лицо.

— Я меткая! — гордо заявляет она и тут же кидает снежок мне в плечо.

— Ах так? — я изображаю возмущение. — Ну, держись.

Через минуту мы обе уже смеёмся, Соня визжит, убегает, падает в сугроб, я помогаю ей подняться, сама едва не теряю равновесие в огромных кроссовках.

— Давай сделаем снеговика! — вдруг решает она. — Большого!

— Большого — это амбициозно, — прикидываю я, оглядывая двор. — Но попробуем.

Мы катаем первый ком, потом второй. Соня сосредоточенно лепит нос, который больше похож на картошку, чем на морковку. Я нахожу палки для рук, она — камешки для глаз.

— Он будет добрый, — решает она. — Как ты.

— Это спорное заявление, — смеюсь я.

— Нет! Ты добрая и веселая, — говорит она уверенно.

Я не успеваю ничего ответить. Из гаража выходит Олег.

Уже без куртки, в толстовке, руки в карманах. Он останавливается у дома и смотрит на нас.

Бойтся, что я украду его дочь? Так об этом нужно было думать вчера.

Я чувствую этот взгляд кожей, но не оборачиваюсь. Пусть смотрит. Пусть выдумывает, что хочет. Мне всё равно.

Хотя...

Нет.

Совсем не всё равно. Мне хочется доказать, что на свете существуют нормальные люди... женщины, а не только те, которых он привлек своей внешностью или деньгами. Интересно, чем Пупсик привлек такую кукушку, что оставила своего сына совершенно чужому человеку? Я, не стесняясь, рассматриваю мужское симпатичное лицо и получаю смачный шлепок холодных колючек в лицо.

— Ай! — взываю я.

— Ой! — реагирует малышка. — Прости, я не хотела.

— Ничего, — фыркаю я, вытирая лицо рукавом куртки. — Это был предупредительный выстрел. В следующий раз я увернусь.

— Правда? — Соня смотрит на меня с тревогой и облегчением одновременно.

— Честное слово, — киваю я. — Я вообще крепкая. Меня так просто не взять.

— Соня, — раздаётся строгий голос, — аккуратнее.

Олег подходит, хмурится, смотрит то на меня, то на дочь.

— Я же просил в лицо не кидать, — продолжает он уже мягче, но всё равно с тем самым «папиным» тоном, от которого дети сразу вытягиваются в струнку.

— Пап, я случайно, — Соня тут же тянется к нему, — я извинилась!

— И я приняла извинения, — быстро вставляю я, пока он не начал читать лекцию. — Всё нормально. Честно. Мне не больно.

В этот момент у Олега в кармане штанов звонит телефон. Он достаёт его, смотрит на экран и морщится.

— Я сейчас, — бросает и отходит в сторону, прикрывая ладонью микрофон.

Мы с Соней переглядываемся.

— Это работа, — шепчет она заговорщически. — Он всегда так делает.

— Я заметила, — также шепотом отвечаю я.

Мы возвращаемся к снеговiku. Соня поправляет ему нос картошку, я прижимаю второй шар, стараясь, чтобы он не завалился набок.

— Он чуть кривой, — вздыхает она.

— Зато с характером, — философски замечаю я. — Идеальные люди скучные.

Олег возвращается быстрее, чем я ожидала. Выражение лица вновь серьезное.

— Сонь, — говорит он, — мне нужно срочно уехать.

Она замирает.

— Надолго?

— Не знаю, — честно отвечает он. — На пару часов точно, сейчас попрошу бабушку присмотреть за тобой.

— А ты? — в голосе слышится лёгкая тревога.

Он приседает перед ней, поправляет шарф.

— Я вернусь, как только смогу. Хорошо?

Соня кивает, но видно, что ей не нравится эта идея.

— А снеговик? — вдруг вспоминает она.

— Лепите, бабушка оденется и выйдет к вам.

— Ладно, — соглашается малышка. — Я ее познакомлю с Ритой. Хочешь познакомиться с моей бабушкой?

Я натянуто улыбаюсь, киваю согласно, гадая, скольких еще членов семьи Пупсика узнаю за столь короткий срок.

Глава 9. Рита

Олег уехал минут через пять после звонка. Машина оставила углубления на белой глади, и улица снова стала тихой, как и положено первого января.

На крыльце появилась бабушка Сони. Невысокая, укутанная в пуховик женщина с внимательными глазами. Она остановилась, опираясь на перила, и наблюдала после моего короткого приветственного кивка. Изредка улыбалась, когда мы с Соней особенно громко смеялись.

А смеялись мы часто.

Снежки летели во все стороны. Соня визжала, притворялась, что я попала, падала в сугробы и тут же вскакивала, вся в снегу, счастливая, краснощёкая. Я ловила себя на том, что улыбаюсь без усилий. Не потому, что нужно, а мне действительно было хорошо.

Мне нравилось играть с девочкой. Нравилось её доверие, её непосредственность, её бесконечное: «Смотри, смотри!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.